

Права проданы в 25 стран!
Полгода в книжном топе сайта Amazon!
Скоро — один из главных мировых киноблокбастеров!

ПОД АЛЫМИ НЕБЕСАМИ

РОМАН

МАРК САЛЛИВАН

Приключения, любовь, война и эпический герой — и все действие разворачивается на фоне одного из мрачайших моментов человеческой истории. Это исключительной силы произведение на тему Второй мировой.

Тесс Герритсен

Азбука-бестселлер

Марк Салливан

Под алыми небесами

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Салливан М.

Под алыми небесами / М. Салливан — «Азбука-Аттикус»,
2017 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-14421-7

Пино Лелла, молодой итальянец, как и всякий человек в его возрасте, любит музыку, девушек и себя. И все бы шло по нормальным законам жизни, когда бы в мир не вторглась война. Дом в Милане, где Пино живет с родителями, превращается в развалины при бомбежке. Юноша связывается с подпольщиками. Помогая еврейским семьям бежать от свастики через Альпы, Пино встречает Анну, свою любовь. Но неисповедимы пути войны – чтобы уберечься от смерти, юноша вступает в германскую армию, и судьба сажает его за руль личного авто Ганса Лейерса, одного из самых влиятельных и таинственных военачальников Третьего рейха, человека, которому покровительствует сам рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер. С этой поры Пино живет между двумя полюсами – любовью к Анне и ненавистью к бездушной силе, чье имя фашизм. Роман М. Салливана «Под алыми небесами» уже полгода держится на верхних строчках списка «Топ-100» интернет-магазина «Амазон», собрал двенадцать с половиной тысяч отзывов, восемьдесят процентов читателей, откликнувшихся на выход романа, дали ему высшую оценку в пять звезд – случай для книги уникальный. Компания «Паскаль пикчерс» приобрела права на экранизацию романа. Главную роль в кинопроекте сыграет актер Том Холланд, прославившийся после роли Человека-Паука в знаменитом фильме.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-14421-7

© Салливан М., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	16
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Часть вторая	34
Глава пятая	34
Глава шестая	41
Глава седьмая	47
Глава восьмая	53
Глава девятая	60
Глава десятая	68
Глава одиннадцатая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Марк Салливан

Под алыми небесами

Mark Sullivan
BENEATH A SCARLET SKY
Copyright © 2017 by Mark Sullivan
All rights reserved

© Г. Крылов, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается памяти восьми тысяч итальянских евреев,
которых не удалось спасти.*

*Памяти миллионов, обращенных в рабство нацистской военной
машиной, и бесконечному числу тех, кто не вернулся домой.*

*И Роберту Делендорфу, который первым услышал эту историю
и спас меня.*

Предисловие

В начале февраля 2006 года мне исполнилось сорок семь лет, и никогда в жизни не было мне так плохо, как в этот год.

Мой младший брат, который был и моим лучшим другом, предыдущим летом допился до смерти. Я написал роман, который никому не нравился, я оказался втянутым в деловой конфликт и стоял на грани личного банкротства.

Я ехал в одиночестве по одному из хайвеев Монтаны, наступили сумерки, и я начал думать о моем договоре страхования и понял, что мертвый я гораздо нужнее семье, чем живой. Падал снежок, освещение было плохое. Никто бы не заподозрил, что это самоубийство.

Но тут перед моим мысленным взором в кружащихся хлопьях снега возникли жена и сыновья, и я передумал. Съехав с хайвея, я почувствовал, что меня трясет. Я был на грани нервного срыва и потому склонил голову и стал просить Бога и Вселенную о помощи. Я молился, чтобы Он послал мне какой-нибудь сюжет, что-нибудь более крупное, чем я сам, я молил о проекте, который дал бы мне возможность забыться.

Хотите верьте, хотите нет, но в тот же самый вечер за обедом в Бозмане, штат Монтана, – это кому бы такое могло прийти в голову? – я услышал обрывки необычной и неизвестной истории времен Второй мировой войны, героем которой был семнадцатилетний итальянский парнишка.

Поначалу я решил, что история жизни Пайно Леллы в последние двадцать три месяца войны – вымысел. Иначе мы знали бы про нее. Но потом я узнал, что Пайно – итальянцы произносят «Пино» – шесть десятилетий спустя был все еще жив, он вернулся в Италию после почти тридцати лет, проведенных в Беверли-Хиллз и Маммот-Лейкс в штате Калифорния.

Я позвонил ему. Мистер Лелла поначалу очень неохотно говорил со мной. Он сказал, никакой он не герой, а скорее уж трус, чем заинтриговал меня еще больше. Наконец, после еще нескольких звонков, он согласился встретиться со мной, если я приеду в Италию.

Я прилетел в Италию и три недели провел с Пино на старой вилле в городке Леза на озере Маджиоре к северу от Милана. В то время Пино, несмотря на свои семьдесят девять лет, был крупным, сильным, красивым, обаятельным, забавным и нередко уклончивым. Я слушал его часами напролет, а он вспоминал прошлое.

Некоторые воспоминания Пино были такими яркими, что они словно появлялись в воздухе перед моими глазами. Другие представляли не очень ясными, и мне приходилось добиваться большей четкости многочисленными вопросами. Он явно избегал упоминать некоторые события и характеры и, казалось, вообще боялся говорить о других. Когда я поднажал на него, он стал рассказывать о тех мучительных временах, вспоминал трагедии, которые заставляли рыдать нас обоих.

Во время того первого путешествия я говорил и с историками холокоста в Милане, беседовал с католическими священникам и членами Сопротивления. Я вместе с Пино посетил все места основных событий. Я становился на лыжи и поднимался в Альпы, чтобы лучше представить себе маршруты бегства. Я поддерживал старика, когда он погрузился в скорбь на Пьяццале Лорето, видел, как мучительно переживает он утраты, когда бродил с ним по улицам вокруг Каstellло Сфорцеско. Он показал мне, где в последний раз видел Бенито Муссолини. В большом миланском соборе Дуомо я смотрел на его трясущуюся руку, когда он зажигал свечку в память мертвых и мучеников.

И все это время я слушал человека, вспомилавшего два года своей необычной жизни здесь, – он стал взрослым в семнадцать, а в восемнадцать уже превратился в старика, пере-

жившего взлеты и падения, испытания и торжество, любовь и разбитое сердце. Мои личные проблемы и вообще вся моя жизнь казались такими мелкими и незначительными в сравнении с тем, что досталось на его долю в столь юные годы. И его взгляд на жизненные трагедии задал мне новую перспективу. Я начал излечиваться, мы с Пино вскоре стали друзьями. И, вернувшись домой, я чувствовал себя так, как не чувствовал уже много лет.

После первого путешествия я на протяжении следующего десятилетия совершил еще четыре поездки в промежутках между написанием других книг – проводил разыскания, связанные с историей Пино. Я консультировался с персоналом Яд ва-Шема, главного израильского мемориала холокоста, с историками в Италии, Германии и Соединенных Штатах. Я проводил недели в военных архивах этих трех стран и Соединенного Королевства.

Я разговаривал с выжившими свидетелями – по крайней мере, с теми, кого мне удалось найти, – чтобы уточнить различные события, о которых рассказал мне Пино, а также с потомками и друзьями давно умерших, включая Ингрид Брук, дочь таинственного нацистского генерала, чья фигура осложняет понимание сути случившегося.

Если это было возможно, я держался фактов, отобранных из архивов, разговоров и свидетельств. Но вскоре я понял: по мере того как исход Второй мировой войны становился ясен, нацисты начали повсеместно уничтожать документы, а потому свидетельства, касающиеся событий из жизни Пино, в лучшем случае отрывочны.

Кроме того, моим исследованиям мешала некая коллективная амнезия, поразившая Италию и Германию после войны. Тысячи книг были написаны о Дне Д¹, военной кампании союзников в Западной Европе, и усилиях храбрецов, которые рисковали жизнями, спасая евреев в других европейских странах. Но нацистская оккупация Италии и католическая «подпольная железная дорога»², созданная для спасения итальянских евреев, почти не привлекли внимания исследователей. Около шестидесяти тысяч солдат союзников погибли в битвах за освобождение Италии. Около ста сорока тысяч итальянцев погибли во время нацистской оккупации. И тем не менее так мало было написано о сражении за Италию, что историки стали называть эти события «Забытый фронт».

В значительной мере этой амнезии способствовали выжившие итальянцы. Один из итальянских партизан сказал мне как-то: «Мы были так молоды и хотели забыть. Мы хотели оставить позади пережитые нами ужасы. Никто в Италии не говорит о Второй мировой, а потому никто и не помнит».

Из-за уничтожения документов, коллективной амнезии и смерти многих действующих лиц к тому времени, когда я узнал об этой истории, мне пришлось местами строить сцены и диалоги исключительно на воспоминаниях Пино о событиях, происшедших несколько десятилетий назад, на скудных сохранившихся материальных свидетельствах и моем воображении, которое подпитывалось проведенными мною исследованиями и обоснованными предположениями. В некоторых случаях я объединял персонажей или сжимал события ради повествовательной достоверности и драматизировал ситуации, о которых сам узнал в гораздо более мягком изложении.

И как следствие этого, история, которую вы собираетесь прочесть, является не документальной прозой, а биографическим и историческим романом, строго прослеживающим события, случившиеся с Пино Лелла между июнем 1943 и маем 1945 года.

Любовь побеждает все.

Вергилий

---

¹ День Д – общепринятое военное обозначение дня начала какой-либо военной операции. (Здесь и далее прим. ред.)

² Автор называет так подпольную систему, созданную Католической церковью для спасения итальянских евреев во время Второй мировой войны. При этом он использует понятие из истории США: *The Underground Railroad* – так называлась подпольная система для организации побегов и переброски рабов из южных (рабовладельческих) штатов на Север.

Часть первая

Никто не будет спать

Глава первая

*9 июня 1943 года
Милан, Италия*

1

Дуче, как и все фараоны, императоры и тираны до него, видел торжество своей империи, а позднее присутствовал на ее похоронах. И в самом деле, к тому дню в конце весны власть уже ускользала из рук Бенито Муссолини, как радость из сердца молодой вдовы.

Потрепанные армии фашистского диктатора отступили из Северной Африки, армия союзников готовилась к броску с Сицилии на континент. И Адольф Гитлер каждый день отправлял на юг все новые пополнения и припасы, чтобы усилить «итальянский сапог».

Пино Лелла знал обо всем этом из новостей Би-би-си, которые каждую ночь слушал по коротковолновому радиоприемнику. Он своими глазами видел, что повсюду увеличивается число немецких солдат. Но, гуляя по средневековым улицам Милана, Пино блаженно не замечал симптомов усиливающегося противостояния. Вторая мировая война присутствовала всего лишь в новостях, и нигде более, – послушал, а через минуту забыл, потому что ее вытесняли мысли на три любимые темы: девочки, музыка и еда.

В конце-то концов, ему было всего семнадцать, и при росте сто восемьдесят пять сантиметров он весил семьдесят пять килограммов, а потому был долговязым и нескладным, с большими руками и ногами, непослушной копной волос и таким избытком угрей и неловкости, что ни одна из девушек, которых он приглашал в кино, не принимала его приглашения. Но Пино это не останавливало – характер не позволял ему сдаваться.

Он уверенно вышел со своими друзьями на площадь перед Дуомо, базиликой Рождества Пресвятой Девы Марии, величественным готическим собором в самом центре Милана.

– Я сегодня встречаюсь с красивой девушкой, – сказал Пино, грозя пальцем в алое тревожное небо. – И мы потеряем голову от безумной, страстной любви, нас ждут необыкновенные приключения с музыкой, едой, вином и интригами каждый день с утра до ночи.

– Ты живешь в мире фантазий, – произнес Карлетто Белтрамини, лучший друг Пино.

– А вот и нет. – Пино шмыгнул носом.

– Живешь-живешь, – сказал Миммо, брат Пино, который был на два года моложе его. – Ты влюбляешься во всех хорошеньких девушек, с которыми знакомишься.

– Только никто из них не отвечает Пино взаимностью, – сказал Карлетто, парнишка хилого сложения, с лунообразной физиономией и гораздо ниже Пино ростом.

Миммо, который был даже ниже Карлетто, проговорил:

– Вот уж точно.

Пино всех их поставил на место:

– Вы абсолютно неромантичны.

– Что это они там делают? – спросил Карлетто, показывая на людей, работающих на соборе.

Некоторые из них вставляли деревянные доски в проемы окон, из которых были извлечены витражи. Другие переносили из грузовика мешки с песком и укладывали их у основа-

ния собора. Третьи устанавливали прожектора под бдительным присмотром священников, стоявших у двойных центральных дверей храма.

– Пойду узнаю, – бросил Пино.

– Сначала я, – отозвался его младший брат и поспешил к рабочим.

– Миммо всегда хочет быть первым, – сказал Карлетто. – Ему пора научиться держать себя в руках.

Пино рассмеялся и ответил через плечо:

– Если ты знаешь, как его этому научить, расскажи моей матери.

Обогнув рабочих, Пино направился прямо к священникам и похлопал одного из них по плечу:

– Прошу прощения, отец.

Священник, которому было лет двадцать пять, ростом не уступал Пино, но казался тяжелее. Он повернулся, свысока посмотрел на мальчишку, увидел его новые туфли, серые льняные брюки, крахмальную белую рубашку и зеленый фуляровый галстук (подарок матери ему на день рождения), потом внимательно посмотрел в глаза Пино, словно мог заглянуть в его голову и прочесть грешные мальчишеские мысли.

Молодой человек в сутане произнес:

– Я учусь в семинарии. Не рукоположен. Воротника не ношу.

– Ай-ай, прошу прощения, – сказал испуганный Пино. – Мы хотели узнать, почему вы ставите прожектора.

Прежде чем молодой семинарист успел ответить, у его правого локтя появилась узловатая рука. Он отошел в сторону, и перед Пино предстал невысокий, стройный, в белых одеждах и красном пилеолусе³ священник лет пятидесяти. Пино сразу же узнал его и, почувствовав, как завязался узлом его желудок, упал на одно колено перед кардиналом Милана.

– Милорд кардинал, – сказал Пино, склонив голову.

– Ты должен говорить «ваше высокопреосвященство», – жестко поправил семинарист.

Пино смущенно поднял голову:

– Моя английская нянька учила меня: если я когда-нибудь увижу кардинала, то должен говорить «милорд кардинал».

Строгое лицо семинариста словно окаменело, но кардинал Ильдефонсо Шустер тихо рассмеялся и сказал:

– Я думаю, он прав, Барбарески. В Англии ко мне бы обращались «лорд кардинал».

Кардинал Шустер в Милане был не только знаменит, но и влиятелен. О кардинале часто писали газеты, ведь он был католическим лидером Северной Италии и человеком, к которому прислушивался папа Пий XII. Пино подумал, что выражение лица Шустера – вот что в нем самое незабываемое. Его улыбка излучала доброту, но в глазах таилась угроза проклятия. Явно обиженный семинарист проговорил:

– Но мы же в Милане, ваше высокопреосвященство, а не в Лондоне.

– Это не имеет значения, – сказал Шустер. Он положил руку на плечо Пино и попросил его подняться. – Как тебя зовут, молодой человек?

– Пино Лелла.

– Пино?

– Прежде мать называла меня «Джузеппино», – ответил Пино, поднимаясь на ноги. – Осталось только «Пино».

Кардинал Шустер поднял голову, посмотрел на «Маленького Иосифа» на соборе и рассмеялся:

– Пино Лелла. Это имя стоит запомнить.

---

³ *Пилеолус* – традиционный головной убор клира Римско-католической церкви, а также Англиканской церкви.

И зачем кардиналу понадобилось говорить слова, которые смутили Пино?

В наступившей тишине Пино пробормотал:

– Я видел вас раньше, милорд кардинал.

– И где же это было? – удивленно спросил Шустер.

– В «Каса Альпина», лагере отца Ре над Мадезимо. Несколько лет назад.

Кардинал Шустер улыбнулся:

– Я помню ту поездку. Я сказал отцу Ре, что он – единственный священник в Италии, чей собор величественнее Дуомо и собора Святого Петра. Молодой Барбарески уезжает туда на следующей неделе и будет работать с отцом Ре.

– Он и «Каса Альпина» понравятся вам, – сказал Пино. – Там хорошо лазать по горам. Наконец Барбарески улыбнулся.

Пино неуверенно поклонился и стал пятиться, что, казалось, еще сильнее развеселило кардинала Шустера.

– Ты вроде бы интересовался прожекторами? – спросил он.

Пино остановился:

– Да.

– Это моя идея, – сказал Шустер. – С сегодняшнего вечера начинается светомаскировка. По ночам будет освещен только Дуомо. Я молюсь о том, чтобы пилоты бомбардировщиков увидели его, поразились его красотой и пощадили. Эту великолепную церковь строили почти пять столетий. Было бы трагедией, если бы ее разрушили в одну ночь.

Пино оглядел затейливый фасад громадного собора. Построенный из бледно-розового мрамора, добытого в карьерах Кандольи, оштетинившийся десятками шпилей, имеющий множество балконов и башенок, Дуомо казался покрытым инеем, величественным и нездешним – таким же, как Альпы зимой. Кататься на лыжах и лазать по горам Пино любил не меньше, чем музыку и девочек, а при виде этого собора его мысли всегда воспаряли к горным вершинам.

Но теперь кардинал считал, что собор и Милан могут погибнуть. Впервые опасность воздушного налета показалась Пино реальной.

– Значит, нас будут бомбить? – спросил он.

– Я молюсь, чтобы этого не случилось, – сказал кардинал Шустер. – Но предусмотрительный человек всегда готовится к худшему, и пусть вера в Господа укрепит тебя в предстоящие дни.

2

Кардинал Милана ушел, а Пино, пребывавший в ужасе, вернулся к Карлетто и Миммо, которые были потрясены не меньше, чем он.

– Это был кардинал Шустер, – сказал Карлетто.

– Я знаю, – ответил Пино.

– Ты с ним долго говорил.

– Да?

– Да, – ответил его младший брат. – Что он тебе сказал?

– Что он запомнит мое имя, а прожектора для того, чтобы летчики не бомбили собор.

– Ну, видишь? – сказал Миммо, обращаясь к Карлетто. – Я же тебе говорил.

Карлетто подозрительно оглядел Пино:

– Зачем это кардиналу Шустеру запоминать твое имя?

Пино пожал плечами:

– Может быть, ему понравилось, как оно звучит: Пино Лелла.

Миммо фыркнул:

– Ты и в самом деле живешь в мире фантазий.

Они услышали гром и поспешили с Пьяцца Дуомо, пересекли улицу и зашли под огромную арку в «Галерею», первый в мире торговый центр, – два широких пересекающихся коридора со множеством магазинов под куполом из металла и стекла. Но сейчас стеклянные панели были вынуты, остался только металлический каркас, который отбрасывал прямоугольные тени на пол и стены торговых залов.

Гром все приближался, и Пино увидел озабоченность на многих лицах в «Галерее», но сам он не разделял их тревоги. Гром есть гром, это тебе не взрыв бомбы.

– Цветы? – сказала женщина с тележкой свежесрезанных роз. – Для твоей девушки?

– Я вернусь, когда найду ее, – ответил Пино.

– Синьора, вам, вероятно, придется ждать этого дня долгие годы, – сказал Миммо.

Пино замахнулся на младшего брата, а Миммо уклонился от удара и бросился прочь из «Галереи» на площадь, где стоял памятник Леонардо да Винчи. За статуей, по другую сторону улицы и трамвайных путей, в театре Ла Скала были распахнуты двери, чтобы проветрить зал знаменитого оперного театра. Изнутри доносились звуки настраиваемых скрипок и виолончелей и голос тенора, упражняющегося в гаммах.

Пино несся за младшим братом, но тут увидел хорошенькую девушку – черные волосы, кремовая кожа и сверкающие темные глаза. Она пересекала площадь в направлении «Галереи». Он резко остановился и уставился на девушку. Желание настолько переполнило его, что он потерял дар речи.

Когда она прошла, Пино сказал:

– Кажется, я теряю голову от любви.

– Ты ее уже давно потерял, – сказал подошедший к нему сзади Карлетто.

К ним подбежал Миммо:

– Тут кто-то сейчас сказал, что союзники будут здесь к Рождеству.

– Я хочу, чтобы американцы пришли поскорее, – сказал Карлетто.

– И я тоже, – согласился Пино. – Больше джаза! Меньше оперы!

Припустив с места в карьер, он перепрыгнул через пустую скамейку и металлическую решетку вокруг статуи Леонардо, проскользил по ровной поверхности постамента, перепрыгнул через решетку по другую сторону и приземлился мягко, как кот.

Миммо, которого переполняли амбиции, попытался повторить тот же трюк, но растянулся перед темноволосой коренастой женщиной в платье с цветочным узором. Ей было примерно сорок, может, чуть больше. Она несла футляр для скрипки, на голове у нее была синяя широкополая соломенная шляпка, защищавшая от солнца.

3

Женщина настолько перепугалась, что чуть не выронила футляр. Она прижала его к груди и была очень сердита, а Миммо застонал и схватился за ребра.

– Это Пьяцца делла Скала! – брюзгливо сказала она. – Здесь памятник великому Леонардо! Неужели у тебя нет никакого уважения? Играй в свои детские игры в другом месте.

– Вы думаете, мы дети? – сказал Миммо, выпятив грудь. – Маленькие мальчики?

Женщина посмотрела ему за спину и ответила:

– Маленькие мальчики, которые не понимают большой игры вокруг них.

Над площадью начали собираться тучи, отчего вокруг потемнело. Пино развернулся и увидел большой черный «даймлер-бенц», едущий по улице, которая отделяла площадь от оперного театра. На обоих крыльях машины красовались красные нацистские флаги. На радиоантенне трепыхался генеральский флаг. Пино увидел силуэт генерала, который утвер-

дился с прямой спиной на заднем сиденье. Почему-то от одного только вида генерала Пино пробрала дрожь.

Когда Пино повернулся, скрипачка уже уходила с высоко поднятой головой; она демонстративно пересекла улицу после проезда нацистской штабной машины и вошла в театр.

Парни тронулись с места, Миммо прихрамывал, потирал правое бедро и жаловался. Но Пино почти не слушал его. Прямо на них шла светло-рыжая молодая женщина с серо-голубыми глазами. Он предположил, что ей двадцать с небольшим. Она была прекрасно сложена, на лице – благородной формы нос, высокие скулы и губы, которые естественно складывались в улыбку. Стройная, среднего роста, она была одета в желтое летнее платье и несла в руке матерчатую сумку для продуктов. Свернув с тротуара, она вошла в пекарню.

– Я снова влюблен, – сказал Пино, прижав обе руки к сердцу. – Ты ее видел?

Карлетто фыркнул:

– Почему бы тебе не оставить это занятие?

– Никогда, – ответил Пино, затрусил к окну пекарни и заглянул внутрь.

Девушка укладывала хлеб в сумку. Он увидел, что обручального кольца на ее левой руке нет, и остался ждать, пока она не расплатится и не выйдет.

Когда она появилась, он встал перед ней, приложил руку к сердцу и сказал:

– Прошу прощения, синьорина. Ваша красота пленила меня, я должен с вами познакомиться.

– Слушаю вас. – Она усмехнулась, обошла его и двинулась дальше.

Проходя мимо Пино, она обдала его таким женским жасминовым запахом, что у него голова пошла кругом, чего раньше не случалось.

Он поспешил за ней со словами:

– Это правда. Я вижу много красивых женщин, синьорина. Я живу в квартале моды Сан-Бабила. Там много моделей.

Она скосила на него взгляд:

– Сан-Бабила – шикарное место.

– Мои родители владеют магазином, продают сумки – «Сумочки ди Лелла». Знаете такой?

– Моя... моя нанимательница купила там сумочку на прошлой неделе.

– Правда? – спросил довольный Пино. – Так что, как видите, я происхожу из уважаемой семьи. Не хотите сегодня вечером сходить со мной в кино? Показывают «Ты никогда не была восхитительнее». Фред Астер. Рита Хейворт. Танцы. Песни. Так прекрасно. Как вы, синьорина.

Наконец она повернула голову и посмотрела на него проницательным взглядом:

– Сколько тебе?

– Почти восемнадцать.

Она рассмеялась:

– Ты для меня слишком юн.

– Это же только кино. Мы пойдем как друзья. Для этого я ведь не слишком юн?

Она ничего не ответила – продолжала идти.

– Да или нет? – спросил Пино.

– Вечером объявлена светомаскировка.

– Когда фильм начнется, будет еще светло, а потом я провожу вас домой – можете не опасаться, – заверил ее Пино. – В темноте я вижу, как кошка.

Несколько шагов она сделала молча, и сердце у Пино упало.

– А где идет этот фильм? – спросила она.

Пино назвал ей адрес и спросил:

– Вы придете, да? В половине седьмого у билетной кассы?

– Ты забавный парень, а жизнь коротка. Почему нет?

Пино усмехнулся, приложил руку к груди и выпалил:

– До вечера.

– До вечера, – сказала она, улыбнулась и перешла на другую сторону улицы.

Пино, у которого от радости перехватило дыхание, проводил ее взглядом, но тут вдруг понял кое-что – она в этот момент остановилась в ожидании трамвая и удивленно посмотрела на него.

– Синьорина, простите меня, – закричал он. – Как вас зовут?

– Анна, – крикнула она в ответ.

– А меня Пино! – крикнул он. – Пино Лелла!

Трамвай со скрежетом остановился, заглушив его фамилию и загородив ее от него. Когда трамвай поехал дальше, Анны уже не было.

– Она ни за что не придет, – бросил Миммо, который все это время тащился за ними. – Она так сказала, чтобы отделаться от тебя.

– Конечно же она придет, – сказал Пино, потом посмотрел на Карлетто, который тоже шел за ними. – Я видел это по ее глазам, по глазам Анны. Ты разве не заметил?

Его брат и его друг не успели ответить, как сверкнула молния и первые капли быстро усиливающегося дождя упали на землю. Они припустили бегом.

– Я домой! – крикнул Карлетто и побежал в сторону.

Глава вторая

1

Разверзлись небеса, и начался потоп. Пино со всех ног бежал за Миммо к кварталу мод, он промок, но ему было все равно. Анна пойдет с ним в кино. Она сказала «да». У него голова пошла кругом.

Братья были мокры до нитки, а молния сверкала вовсю, когда они нырнули в мастерскую, совмещенную с магазином их дяди в здании цвета ржавчины по адресу: Виа Пьетро Верри, дом семь, – «Продажа чемоданов Альбанезе».

С парней капала вода, когда они вошли в длинный, узкий магазин, воздух в котором был насыщен густым запахом новой кожи. На полках стояли превосходные кейсы и сумки, чемоданы и саквояжи. На стендах за стеклом лежали кожаные бумажники, портсигары с красивыми узорами и портфели. В магазине находилось два посетителя – пожилая женщина у дверей, а за ней, в дальнем конце, немецкий офицер в черно-серой форме.

Пино смотрел на него, но слышал слова пожилой женщины:

– Так какую, Альберт?

– Слушайте своего сердца, – сказал ей человек за прилавком. Крупный, с широкой грудью, усатый, в великолепном костюме мышинового цвета, крахмальной белой рубашке и изящном галстуке-бабочке в горошек.

– Но мне нравятся обе, – сказала посетительница.

Он погладил усы, ухмыльнулся и воскликнул:

– Тогда покупайте обе!

Она подумала, хихикнула:

– Что ж, может, и куплю.

– Отлично! Отлично! – сказал он, потирая руки. – Грета, принеси мне коробки для этой великолепной синьоры с безупречным вкусом.

– Я сейчас занята, Альберт, – ответила Грета, австрийская тетушка Пино, она обслуживала немца. Это была высокая худая женщина с короткими каштановыми волосами и легкой улыбкой. Немец курил, разглядывая портсигар в кожаном футляре.

– Я принесу коробки, дядя Альберт, – сказал Пино.

Дядя Альберт стрельнул в сторону Пино глазами:

– Вытрись сначала.

Пино, думая об Анне, двинулся к двери в мастерскую, минуя тетушку и немца. Офицер повернулся и посмотрел на Пино, на его лацканах мелькнули полковничьи дубовые листья. На околыше офицерской фуражки красовался Totenkopf – маленький череп с костями, под орлом, держащим в когтях свастику. Пино знал, что этот высокопоставленный офицер служит в Geheime Staatspolizei – гестапо, секретной службе Гитлера. Среднего роста и сложения, с тонким носом и надменными губами, гестаповец смотрел на мир пустыми темными глазами, по которым ничего нельзя было прочесть.

Пино, чувствуя испуг, открыл дверь и вошел в мастерскую – большое помещение с высоким потолком. Мастерницы и резальщики заканчивали работу. Он нашел ветошь и вытер руки. Потом взял две картонные коробки с логотипом Альбанезе и направился обратно в магазин, его мысли снова радостно вернулись к Анне.

Она была красивой, старше его и...

Он помедлил, прежде чем открыть дверь. Полковник гестапо как раз выходил из магазина под дождь. Тетушка Пино стояла у дверей, провожая полковника взглядом и кивая.

Когда она закрыла за гестаповцем дверь, Пино почувствовал себя лучше.

Он помог дяде упаковать две сумочки. Клиентка ушла, и дядя Альберт попросил Миммо запереть входную дверь и повесить табличку «Закррито» в окне.

Когда Миммо сделал это, дядя Альберт сказал:

– Ты запомнила его имя?

– Штандартенфюрер Вальтер Рауфф, – ответила тетя Грета. – Новый шеф гестапо в Северной Италии. Он приехал с Украины. Туллио за ним присматривает.

– Туллио вернулся? – удивленно и радостно спросил Пино. Туллио Галимберти, его идол и близкий друг семьи, был на пять лет старше его.

– Вчера, – сказал дядя Альберт.

– Рауфф сказал, что гестапо будет находиться в отеле «Реджина».

– Кому принадлежит Италия – Муссолини или Гитлеру? – проворчал ее муж.

– Это не имеет значения, – сказал Пино, пытаясь убедить их. – Война скоро закончится, придут американцы – и повсюду будет джаз!

Дядя Альберт отрицательно покачал головой:

– Это зависит от немцев и дуче.

– Пино, ты смотришь на часы? – спросила тетя Грета. – Твоя мать ждала вас двоих час назад, ей нужна ваша помощь – она готовится к вечеринке.

Пино почувствовал пустоту в желудке. Его мать была не из тех людей, которых можно разочаровывать.

– Я вас увижу позднее? – спросил он, направляясь к двери с Миммо, который шел следом.

– Мы непременно придем, – сказал дядя Альберт.

2

Когда ребята добрались до дома номер три по Виа Монтенаполеоне, принадлежащий их родителям магазин «Le Borsette di Lella» – «Сумочки ди Лелла» – уже закрылся. При мыслях о матери Пино охватывал страх. Он надеялся, что поблизости будет отец и уймет этот ураган страстей. Когда они поднимались по лестнице, до них доносились запахи пищи: ягнятина с чесноком, свеженарезанный базилик, хлеб только что из духовки.

Они открыли дверь в просторную квартиру, гудевшую голосами большого числа людей. Их постоянная горничная и еще одна, специально нанятая для такого случая, суетились в столовой, расставляли хрусталь, столовые приборы и фарфор. В гостиной высокий, худой, сутулый человек со скрипкой и смычком стоял спиной к дверям и играл какую-то мелодию, незнакомую Пино. Человек сфальшивил и перестал играть, тряхнув головой.

– Папа? – тихо позвал Пино. – У нас что-то случилось?

Микеле Лелла опустил скрипку и повернулся, прикусив щеку. Ответить он не успел – в коридор из кухни выбежала шестилетняя девочка. Младшая сестра Пино, Сиччи, остановилась перед ним и спросила:

– Пино, где ты был? Мама тобой недовольна. И тобой тоже, Миммо.

Пино проигнорировал ее – все его внимание было теперь приковано к локомотиву в переднике, пыхтя и неотвратно надвигающемуся из кухни. Он мог поклясться, что видел дым, выходящий из ушей матери. Порция Джемма была не менее чем на тридцать сантиметров ниже старшего сына и килограммов на двадцать легче. Но она подошла к Пино, сняла очки и потрясла ими перед его носом.

– Я тебя просила быть дома в четыре, а сейчас четверть шестого, – сказала она. – Ты ведешь себя как ребенок. Я в большей мере могу рассчитывать на помощь твоей сестры.

Сиччи задрала нос и кивнула.

Несколько мгновений Пино не знал, что сказать. Но тут вдруг его посетило вдохновение: взгляд у него стал беспомощный, он согнулся и ухватился руками за живот.

– Извини мама, – сказал он. – Я что-то съел на улице. У меня началось расстройство, а потом нас застала гроза, и мы были вынуждены переждать у дяди Альберта.

Порция скрестила руки на груди, вперила в него взгляд. Сиччи приняла такую же скептическую позу.

Мать перевела взгляд на Миммо:

– Это правда, Доменико?

Пино настороженно посмотрел на брата.

Миммо кивнул:

– Я ему говорил, что у сосиски сомнительный вид, но он меня не послушал. Пино в три кафе забегал в туалет. А в магазине у дяди Альберта был полковник из гестапо. Он сказал, что они занимают отель «Реджина».

Мать побледнела:

– Что?

Пино скорчил гримасу, согнулся еще сильнее:

– Мне нужно выйти.

Сиччи подозрительно посмотрела на него, но гнев матери сменился тревогой.

– Иди, иди! Только руки потом не забудь помыть.

Пино поспешил по коридору. И услышал голос у себя за спиной:

– А ты куда, Миммо? У тебя же нет расстройства.

– Мама, – жалобным голосом сказал Миммо. – Пино все всегда сходит с рук.

Пино не стал ждать ответа матери. Он пробежал по кухне с ее невероятными запахами, поднялся по лестнице, которая вела на второй этаж квартиры и в ватерклозет. Он посидел внутри десять убедительных минут, отданных без остатка воспоминаниям об Анне, в особенности тому, как она удивленно посмотрела на него, перейдя трамвайные пути. Его щеки покрылись румянцем, он чиркнул спичкой, чтобы прикрыть отсутствие дурного запаха, а потом улегся на свою кровать и включил приемник, настроенный на волну Би-би-си и джазовую программу – Пино не пропускал ни одной.

Оркестр Дюка Эллингтона играл «Cotton Tail» – «Кролика», одну из его последних любимых композиций, и он закрыл глаза от наслаждения, слушая соло на саксофоне Бена Вебстера. Пино влюбился в джаз с первого раза, когда услышал Билли Холидей и Лестера Янга, исполнявших «Не могу начать». Хоть это и звучало еретически в доме Лелла (где царили опера и классическая музыка), с того дня Пино считал, что джаз – величайший музыкальный жанр. Это убеждение породило в нем желание побывать в Штатах, где родился джаз. Это была самая заветная его мечта.

Пино размышлял о том, какой может быть жизнь в Америке. Язык не составлял проблемы. Его вырастили две няньки – одна из Лондона, другая из Парижа. На всех трех языках он говорил чуть ли не с детства. Неужели в Америке повсюду джаз? Неужели это что-то вроде вот такого прекрасного звукового занавеса, который колыхается при каждом движении? А американские девчонки? Есть среди них такие хорошенькие, как Анна?

«Кролик» закончился. Начался «Кати их» Бенни Гудмена в ритме буги-вуги, переходящем в соло кларнета, Пино вскочил с кровати, сбросил туфли и принялся изображать свинг, представляя, как они с красавицей Анной танцуют линди-хоп, – никакой тебе войны, никаких нацистов, только музыка, еда, вино и любовь.

Потом он понял, что музыка играет слишком громко, и приглушил звук. Он не хотел, чтобы пришел отец и между ними начался очередной спор о музыке. Микеле презирал джаз. Неделий ранее он застал Пино за семейным «Стейнвеем» – Пино пытался наигрывать

«Собаку в стиле блюз» Мида Люкса Льюиса; по мнению отца, сын словно осквернил святую.

Пино принял душ и переоделся. Через несколько минут после того, как колокола на соборе отбили шесть, Пино забрался на кровать и посмотрел в окно. Грозовые тучи ушли, с улиц Сан-Бабилы доносились знакомые звуки. Закрывались магазины. Богатые и модные миланцы спешили по домам. Он слышал их оживленные голоса, сливавшиеся в один уличный хор, – смеющиеся маленьким радостям женщины, дети, плачущие над своими минутными трагедиями, мужчины, спорящие из-за пустяков, просто из итальянской любви к словесной перепалке и напускному гневу.

Пино вздрогнул, услышав донесшийся снизу звонок в квартиру. Он услышал радостные приветственные голоса, посмотрел на часы – они показывали четверть седьмого. Сеанс начинался в семь, а до кинотеатра и Анны путь был неблизкий.

Пино высунул ногу из окна, нащупал карниз, по которому можно было добраться до пожарной лестницы, когда услышал резкий смех за спиной.

– Она не придет, – сказал Миммо.

– Непременно придет, – возразил Пино и целиком вылез из окна.

До земли было не меньше девяти метров, а ширина карниза не позволяла разгуляться. Ему пришлось прижаться спиной к стене и, потихоньку перебирая ногами, перебраться к другому окну. Он влез в него и направился к запасной лестнице. Минуту спустя он уже был на земле и спешил к кинотеатру.

3

Вход в кино не был освещен, этого требовали правила светомаскировки. Но сердце Пино забилось сильнее, когда он увидел на афише имена Фреда Астера и Риты Хейворт. Он любил голливудские мюзиклы, в особенности с музыкой в стиле свинг. И ему снилась Рита Хейворт, которая... ладно, не будем...

Пино купил два билета. Другие зрители заходили в кинотеатр, а он стоял, оглядывая улицу в поисках Анны. Он ждал, пока тоскливое, опустошительное понимание не пришло к нему: ждать бесполезно.

– Я тебе говорил, – сказал Миммо, появившийся вдруг словно ниоткуда.

Пино хотел рассердиться, но не мог. В глубине души он признавал интуицию и чутье младшего брата, его ум и уличную смекалку. Он протянул Миммо билет.

Они вошли в кинотеатр, сели на свои места.

– Пино? – тихо спросил Миммо. – Когда ты начал расти? В пятнадцать?

Пино подавил улыбку. Его брат всегда сетовал на свой малый рост.

– Вообще-то, уже после шестнадцати.

– Но бывает, что и раньше?

– Бывает.

Свет в зале погас, начался пропагандистский киножурнал. Пино все еще переживал, что Анна обманула его, когда на экране появился дуче. В генеральском мундире, увешанном медалями, в бриджах и сверкающих черных сапогах для верховой езды, доходящих до колена, Бенито Муссолини прохаживался с одним из своих полевых командиров по берегу Лигурийского моря.

Закадровый голос сообщил, что итальянский диктатор инспектирует укрепления. На экране дуче шел, сцепив руки за спиной. Императорский подбородок указывал на горизонт. Спина напоминала триумфальную арку. Грудь была выпячена вперед.

– Он похож на петушка, – сказал Пино.

– Ш-ш-ш-ш! – прошептал Миммо. – Не так громко.

– Да почему? Как его увидишь, сразу ждешь, что он тебе прокричит «кукареку».

Его брат усмехнулся, а с экрана продолжали распространяться об итальянской системе обороны и о растущем уважении к Муссолини в мире. Это была чистейшая пропаганда. Пино каждый вечер слушал Би-би-си. Он знал: то, что он видит на экране, не соответствует действительности, и порадовался, когда кинохроника закончилась и начался фильм.

Вскоре комедийный сюжет фильма и сцены, в которых Хейворт танцевала с Астером, увлекли Пино.

– Рита! – со вздохом сказал Пино, когда Хейворт принялась вращаться и подол ее платья взметнулся, как плащ матадора. – Она так элегантна, почти как Анна.

Миммо поморщился:

– Она тебя обманула.

– Но она так красива! – прошептал Пино.

Завыли сирены воздушной тревоги, люди с криками вскочили со своих мест.

Сцена замерла на крупном плане: Астер и Хейворт танцуют, прижавшись щека к щеке, их губы и улыбки обращены к объатым паникой зрителям.

Экран погас, и рядом с кинотеатром раздались выстрелы зениток, а первые невидимые бомбардировщики союзников открыли люки, и вниз полетели бомбы – прелюдия к огню и разрушению, ожидавшим Милан.

Глава третья

1

Зрители с криком бросились к дверям кинотеатра. Ужас охватил Пино и Миммо, стиснутых стремящейся к выходу толпой, когда с оглушающим грохотом взорвалась бомба и задняя стена кинотеатра обрушилась, полетели камни и осколки, изорвавшие экран в клочья. Свет погас.

Что-то больно ударило Пино по щеке, вспороло ее. Он почувствовал пульсирующую боль, кровь потекла по щеке и подбородку. Теперь уже состояние паники сменилось шоком, он задышался от дыма и пыли, пробираясь к выходу. Глаза и ноздри у него жгло от попавшего в них песка. Наконец они с Миммо выбрались из здания и, согнувшись пополам, зашлись в кашле.

Снаружи выли сирены, бомбы продолжали падать, бомбардировка еще была далека от своего пика. Пожары бушевали на улице по обеим сторонам от кинотеатра. Грохотали зенитки. Трассирующие снаряды описывали красные дуги в небе. Они взрывались с такой яркостью, что Пино видел силуэты бомбардировщиков «ланкастер», которые летели крыло к крылу боевым клином, словно стая темных гусей в ночи.

Бомбы падали и падали, издавая звук, похожий на жужжание шмелей, и взрывались одна за другой. В небо устремлялись языки пламени и маслянистого дыма. Некоторые бомбы падали так близко, что взрывной волной братьев чуть не сбивало с ног.

– Мы куда бежим, Пино? – воскликнул Миммо.

Пино был слишком напуган, чтобы подумать об этом, но все-таки ответил:

– К Дуомо.

Пино повел брата к единственному сооружению в Милане, которое было освещено не пожаром. Вдали лучи прожекторов высвечивали собор, который казался неземным, чуть ли не ниспосланным Провидением. Пока они бежали, жужжание шмелей в воздухе и взрывы прекратились. Больше не было ни бомбардировщиков, ни зенитного огня.

Только вой сирен, вопли и крики людей. Впавший в отчаяние отец, держа в одной руке фонарь, другой разгребал гору кирпичей. Рядом рыдала его жена, держа на руках мертвого сына. Другие плачущие люди с фонарями стояли вокруг мертвой девочки, которой оторвало руку, она смотрела на людей остекленевшими глазами.

Пино никогда прежде не видел мертвецов и теперь сам заплакал. Ничто не будет таким, как прежде. Он чувствовал это с такой же очевидностью, с какой все еще слышал жужжание и взрывы. Ничто не будет таким, как прежде.

Наконец они добрались до Дуомо. Вокруг собора не было воронок, оставленных взорвавшимися бомбами. Не было ни развалин, ни пожаров. Если бы не крики, доносившиеся издали, то здесь казалось, что никакой бомбежки и не было.

Пино слабо улыбнулся:

– План кардинала Шустера сработал.

Миммо нахмурился и сказал:

– Наш дом недалеко от собора, но и не очень близко.

Парни пробежали по лабиринту темных улиц, который вывел их к дому номер три по Виа Монтенаполеоне. Магазин сумочек и их квартира наверху стояли целыми и невредимыми. После того, что они видели, это казалось чудом.

Миммо открыл дверь, и они стали подниматься по лестнице. Пино шел следом, слыша вздохи скрипок, игру на рояле и пение тенора. Почему-то эта музыка привела Пино в ярость. Он обогнал Миммо и постучал в дверь квартиры.

Музыка прекратилась. Дверь открыла его мать.

– В городе пожары, а у вас музыка? – прокричал Пино Порции, которая испуганно отступила. – Люди умирают, а вы играете?

В коридор следом за матерью вышли люди, среди них его тетушка, дядя и отец.

– Музыка помогает нам выжить в трудные времена, Пино, – сказал Микеле.

Пино увидел, что и остальные в переполненной квартире кивают. Среди них была и скрипачка, которую Миммо чуть не сбил с ног сегодня днем.

– Что с тобой, Пино? – сказала Порция. – У тебя кровь.

– С другими случилось кое-что намного хуже, – сказал Пино со слезами на глазах. – Извини, мама. Это было... ужасно.

Порция оттаяла, раскинула руки и обняла своих перепачканных, исцарапанных мальчиков.

– Теперь все кончилось, – сказала она, целуя их по очереди. – Не хочу знать, где вы были и как ушли из дома. Я счастлива, что вы вернулись.

Она сказала сыновьям, чтобы они умылись и переоделись – среди гостей есть доктор, он осмотрит рану Пино. Пино вдруг увидел в матери то, чего не видел никогда прежде: страх. Страх, что в следующий раз им при бомбардировке может и не повезти.

Страх не сходил с ее лица и когда доктор зашивал рану на щеке Пино. Когда доктор закончил, Порция посмотрела на сына осуждающим взглядом:

– Мы с тобой поговорим об этом завтра.

Пино опустил глаза и кивнул:

– Хорошо, мама.

– Поешь что-нибудь, если тебя, конечно, не очень тошнит.

Он поднял взгляд и увидел, что мать насмешливо смотрит на него. Он должен был продолжать делать вид, что у него по-прежнему болит живот, и отправиться в постель на голодный желудок. Но его мучил голод.

– Мне стало лучше, – сказал он.

– А я думаю, тебе стало хуже, – сказала Порция и вышла.

2

Пино мрачно пошел за ней по коридору в столовую. Миммо уже наложил себе полную тарелку еды и оживленно рассказывал об их приключении нескольким друзьям родителей.

– Да, похоже, невеселый был вечер, – сказал кто-то у него за спиной.

Пино повернулся и увидел красивого, безупречно одетого человека лет двадцати с небольшим. Под руку его держала поразительно красивая женщина. На лице Пино появилась улыбка.

– Туллио! – сказал он. – Я слышал, что ты вернулся!

– Это моя подруга Кристина, – сказал Туллио.

Пино вежливо поклонился ей. У Кристины был усталый вид, и она, извинившись, вышла.

– Когда ты с ней познакомился? – спросил Пино.

– Вчера, – сказал Туллио. – В поезде. Она хочет стать моделью.

Пино отрицательно покачал головой. С Туллио Галимберти такое происходило постоянно. Успешный торговец одеждой, Туллио в общении с привлекательными женщинами становился волшебником.

– Как тебе это удастся? – спросил Пино. – Все хорошенькие девушки твои.

– А ты не знаешь как? – спросил Туллио, отрезая сыр.

Пино хотел чем-нибудь похвастаться, но вспомнил, что Анна его обманула. Приняла приглашение, лишь бы он отвязался.

– Очевидно, не знаю. Нет.

– На обучение могут уйти годы, – сказал Туллио, подавляя улыбку.

– Да брось ты, Туллио, – сказал Пино. – Наверно, есть какой-то трюк, о котором я не...

– Никаких трюков, – всерьез сказал Туллио. – Первое: слушать.

– Слушать?

– Слушать девушку, – раздраженно сказал Туллио. – Большинство парней не слушают. Начинают болтать о себе. Женщин нужно понимать. Поэтому слушай, что они говорят, хвали их внешний вид или пой что угодно. И если ты будешь это делать – слушать и говорить комплименты, – ты будешь впереди восьмидесяти процентов парней на Земле.

– Но если они неразговорчивы?

– Тогда шути. Или льсти. Или и то и другое.

Пино подумал, что он шутил с Анной и льстил ей, но, вероятно, недостаточно. Потом он подумал еще кое о чем.

– Так куда сегодня ходил полковник Рауфф?

Дружеские манеры Туллио мигом исчезли. Он крепко ухватил Пино за руку и прошипел:

– Мы не говорим о людях, подобных Рауффу, в таких местах. Ты понял?

Такая реакция друга расстроила Пино, но, прежде чем он успел что-либо ответить, снова появилась подружка Туллио. Она подошла к нему и что-то прошептала ему на ухо.

Туллио рассмеялся, отпустил руку Пино и сказал:

– Конечно, милая. Вполне.

Туллио снова обратился к Пино:

– Я, пожалуй, подожду, пока твое лицо не перестанет быть похожим на разрезанную сосиску, может быть, после этого ты сможешь шутить и научишься слушать.

Пино наклонил голову, неопределенно улыбнулся, а потом заскрежетал зубами – швы на его щеке натянулись. Он увидел, как ушли Туллио с подружкой, опять подумал о том, как бы ему хотелось быть похожим на него. Все в этом парне было идеально, изящно. Хороший парень. Человек безупречного вкуса. Отличный друг. Умел искренне смеяться. И в то же время была в нем некая таинственность – он почему-то всюду сопровождал полковника гестапо.

Жевать было больно, но Пино так проголодался, что положил себе добавки. Он ел, слушая разговор трех гостей-музыкантов, двух мужчин и скрипачки.

– С каждым днем в Милане все больше немцев, – сказал коренастый валторнист из Ла Скала.

– Хуже того, – сказал ударник. – Не просто немцев – эсэсовцев.

Скрипачка сказала:

– Мой муж говорит, что ходят слухи о готовящихся погромах. Раввин Цолли советует нашим римским друзьям бежать. Мы собираемся уехать в Португалию.

– Когда? – спросил ударник.

– Чем скорее, тем лучше.

– Пино, пора в постель, – резко сказала ему мать.

Пино взял тарелку с собой в комнату. Он сидел на кровати, ел и думал об услышанном. Он знал, что эти три музыканта – евреи, а еще он знал, что Гитлер и нацисты ненавидят евреев, хотя и не мог понять почему. У его родителей было много друзей-евреев, в основном

музыкантов или из индустрии моды. Пино считал, что евреи умны, забавны и добры. Но что такое «погром»? И почему раввин советует всем евреям бежать из Рима?

Он закончил есть, снова посмотрел на свою заштопанную щеку и лег в кровать. Выключив свет, он откинул шторы и глянул в темноту. Здесь, в Сан-Бабиле, пожаров не было, ничто не говорило о разрушениях, которые он видел в других районах. Он старался не думать об Анне, но, когда положил голову на подушку и закрыл глаза, обрывки этой встречи стали мелькать перед его мысленным взором вместе с кадрами из фильма, на которых Фред Астер прижимался щекой к щеке Риты Хейворт. И обрушившаяся стена кинотеатра. И девочка с оторванной рукой.

Он не мог уснуть. Он не мог забыть все это. Наконец он включил радио, покрутил верньер, нашел станцию, передававшую скрипичную музыку, которую он сразу узнал, потому что его отец всегда пытался играть ее: Никколо Паганини, Каприс № 24, ля минор.

Пино лежал в темноте, воспринимал неистовый темп скрипки и ощущал бешеное настроение этой вещи как свое собственное. Когда музыка закончилась, он почувствовал себя измочаленным и опустошенным. Наконец он уснул.

3

На следующий день около часа пополудни Пино отправился на поиски Карлетто. Из окна трамвая он видел дымящиеся руины в некоторых районах, другие районы оставались нетронутыми. Произвольность разрушений беспокоила его не меньше, чем сами разрушения.

Он сошел с трамвая на Пьяццале Лорето, большой городской развязке со сквером посередине, а по периметру – с магазинами и деловыми конторами. Он посмотрел на Виа Андреа Коста по другую сторону площади, а перед его глазами возникли боевые слоны. Ганнибал провел боевых слонов через Альпы и вниз, чтобы завоевать Рим, двадцать один век назад. Отец Пино говорил, что все армии завоевателей приходили с тех пор в Италию через Милан.

Он прошел мимо бензозаправки «Эссо», балочная ферма которой возвышалась на три метра над насосами и емкостями. По диагонали от бензозаправки за развязкой он увидел бело-зеленый тент магазина «Свежие фрукты и овощи Белтрамини».

Магазин работал. Бомбежка не нанесла ему никакого видимого ущерба. Отец Карлетто находился на улице, взвешивал фрукты. Пино ухмыльнулся и ускорила шаг.

– Не беспокойтесь, у нас есть секретные бомбостойкие сады у реки По, – говорил мистер Белтрамини пожилой женщине, когда подходил Пино. – А потому у Белтрамини всегда будут лучшие продукты в Милане.

– Я вам не верю, но я люблю, когда вы шутите, – сказала она.

– Любовь и смех, – сказал синьор Белтрамини, – это всегда лучшее лекарство, даже в такой день, как сегодня.

Женщина, уходя, все еще продолжала улыбаться. Отец Карлетто, невысокий, полный, похожий на медведя, заметил Пино, и на лице его появилось еще более довольное выражение.

– Пино Лелла! Где ты пропадал? Где твоя мать?

– Дома, – ответил Пино, пожимая ему руку.

– Да благословит ее Господь. – Синьор Белтрамини уставился на него. – Ты ведь не собираешься больше расти, нет?

Пино улыбнулся и пожал плечами:

– Не знаю.

– Знаешь-знаешь, ты скоро начнешь задевать деревья. – Он показал на повязку на щеке Пино. – Да я смотрю, ты уже начал.

– Я попал под бомбежку.

Постоянное шутливое настроение синьора Белтрамини мигом испарилось.

– Не может быть! Неужели?

Пино рассказал ему, что случилось с момента, когда он вылез в окно, до возвращения домой, где он обнаружил, что все гости там музицируют и хорошо проводят время.

– Я думаю, они поступают правильно, – сказал синьор Белтрамини. – Если тебе суждено умереть под бомбой, то ты под ней и умрешь. Нельзя жить с мыслями об этом. Продолжай делать то, что тебе нравится, и наслаждайся жизнью. Я прав?

– Пожалуй. А Карлетто дома?

Синьор Белтрамини показал себе за плечо:

– Работает.

Пино направился к двери магазина.

– Пино! – позвал его синьор Белтрамини.

Юноша оглянулся и увидел озабоченность на лице торговца фруктами.

– Да?

– Вы с Карлетто присматриваете друг за другом? Как братья, да?

– Всегда, синьор Б.

Лицо торговца посветлело.

– Ты хороший мальчик. Хороший друг.

Пино вошел в магазин и увидел Карлетто, который перетаскивал мешки с финиками.

– Ты был в городе? – спросил Пино. – Видел, что происходит?

Карлетто отрицательно покачал головой:

– Я работал. А ты слышал об этом, да?

– Слышал рассказы, решил сам посмотреть.

Карлетто это не показалось забавным. Он поднял еще один мешок с сухофруктами на плечо и стал спускаться по деревянной лестнице, ведущей в подпол.

– Она не пришла, – сказал Пино. – Анна.

Карлетто высунул голову из подпола:

– Ты вчера вечером был в городе?

Пино улыбнулся:

– Меня чуть не убило, когда бомба попала в театр.

– Врешь.

– Нет, – сказал Пино. – Откуда, ты думаешь, у меня вот это?

Он сорвал повязку, и Карлетто с отвращением скривил губы:

– Ужасно.

4

С разрешения синьора Белтрамини они пошли осмотреть кинотеатр при свете дня. Пино на ходу еще раз в красках рассказал вчерашнюю историю, он приплясывал, описывая Фреда и Риту, воспроизводил голосом взрывы, которые они с Миммо слышали, когда бежали по городу.

Пока они не дошли до кинотеатра, чувствовал он себя неплохо. Над развалинами все еще поднимался дым, здесь стоял резкий, неприятный запах – Пино мгновенно узнал его: запах отработанной взрывчатки. Кто-то бесцельно бродил вокруг развалин. Другие разбирали кирпичи и балки, надеясь найти живыми пропавших близких.

Потрясенный увиденным, Карлетто сказал:

- Я бы не смог сделать то, что сделали вы с Миммо.
  - Еще как смог бы. Когда тебя напугают хорошенько, еще и не то сделаешь.
  - Когда на меня начнут падать бомбы? Я бы упал на пол и закрыл голову руками.
- Они замолчали, разглядывая обуглившуюся и разрушенную стену. Фред и Рита танцевали вот здесь, на высоте девяти метров, а потом...
- Как ты думаешь, самолеты прилетят снова? – спросил Карлетто.
  - Мы этого не узнаем, пока не услышим шмелей.

Глава четвертая

1

В июне и в июле 1943 года самолеты союзников прилетали каждую ночь. Здания рушились одно за другим, тучи пыли поднимались над улицами и висели в воздухе, даже когда вставало кроваво-красное солнце и палило нещадно, усугубляя ужас первых недель бомбардировок.

Пино и Карлетто почти каждый день бродили по улицам Милана, смотрели на развалины, видели убитых, сопереживали боли, которая присутствовала, казалось, повсюду. Спустя какое-то время все в душе у Пино омертвело, он чувствовал себя маленьким. Иногда ему хотелось сделать то, о чем говорил Карлетто: свернуться калачиком и спрятаться от жизни.

Но он почти каждый день вспоминал Анну. Он понимал, что это глупо, но часто заходил в пекарню, где увидел ее, в надежде, что встретится с нею снова. Но так и не встретился. А когда он спросил о ней у жены пекаря, та ответила, что понятия не имеет, о ком он говорит.

23 июня отец Пино отправил Миммо до конца лета в «Каса Альпина» в Альпах, к северу от озера Комо. Он пытался отправить туда и Пино, но тот отказался уезжать. Мальчишкой и подростком Пино любил лагерь отца Ре. Он с шестилетнего возраста проводил в «Каса Альпина» по три месяца каждый год: два полных месяца летом лазал по горам, а еще приезжал в общей сложности на месяц покататься на лыжах. У отца Ре было здорово. Но компанию, которая там собиралась, Пино уже перерос. Он хотел остаться в Милане и вместе с Карлетто на его улицах искать Анну.

Бомбежки усилились. 9 июля Би-би-си рассказала о высадке союзников на Сицилии и о яростных сражениях с немецкими и итальянскими войсками. Десять дней спустя бомбардировке подвергся Рим. Известие о налете ошеломило Италию и семью Лелла.

– Если бомбят Рим, то Муссолини и фашистам конец, – объявил отец Пино. – Союзники выдавливают немцев из Сицилии. Они высадятся в Южной Италии. Скоро все закончится.

Как-то в конце июля родители Пино посреди дня поставили пластинку на фонограф и принялись танцевать. Король Виктор Эммануил III арестовал Бенито Муссолини и заключил его в крепость на горе Гран-Сассо к северу от Рима.

Но к августу целые кварталы Милана лежали в руинах. Повсюду хозяйничали немцы, устанавливали зенитные орудия, оборудовали блокпосты, пулеметные гнезда. В квартале от театра Ла Скала над отелем «Реджина» развевался яркий немецкий флаг.

Полковник гестапо Вальтер Рауфф ввел комендантский час. Пойманные на улице в неуточное время без документов – арестовывались. Если у человека не было документов, его могли расстрелять на месте. Владение радиоприемником также каралось расстрелом.

Пино не обращал внимания на запреты. По ночам он прятался в туалете и слушал радио – музыку и новости. А днем он начал приспособливаться к новому порядку в Милане. Трамваи теперь ходили редко. Можно было идти пешком, ехать на велосипеде или искать попутную машину.

Пино предпочитал велосипед, он ездил по городу, не обращая внимания на жару, проезжал через различные блокпосты, запоминал, что ищут немцы, останавливая его. Большие участки улиц были изуродованы воронками, и ему приходилось идти там пешком или выбирать другие маршруты. В своих поездках он видел семьи, живущие под брезентовыми навесами рядом с их превращенными в руины домами.

Он понимал, как ему повезло. И чувствовал, что везение в мгновение ока может отвернуться от него и на его голову обрушится бомба. И еще он думал: жива ли Анна?

2

В начале августа Пино наконец понял, почему союзники бомбят Милан. Диктор Би-би-си сообщил, что союзники почти уничтожили промышленную базу нацистов в долине Рура, где прежде изготавливалась большая часть вооружений для немецкой армии. Теперь они уничтожают промышленную базу в Северной Италии, чтобы немцы не смогли воспользоваться ею и затянуть таким образом войну.

Ночью 7 и 8 августа британские «ланкастеры» сбросили на Милан тысячи бомб – их целью были фабрики, промышленные предприятия и военные объекты, но неизбежно страдали и находящиеся поблизости дома.

Когда бомбы стали взрываться достаточно близко от их дома, сотрясая его стены, Порция запаниковала и попыталась убедить мужа увезти семью в Рапалло на западном берегу.

– Нет, – сказал Микеле. – Они не будут бомбить рядом с собором. Здесь все еще безопасно.

– Одной случайной бомбы нам будет достаточно, – сказала Порция. – Я беру Сиччи и уезжаю.

Отец Пино, хотя и расстроенный, был полон решимости:

– Я останусь ради бизнеса, но думаю, что Пино пора отправляться в «Каса Альпина».

Пино отказался во второй раз.

– Это для маленьких мальчиков, папа, – сказал Пино. – Я уже не маленький.

12 и 13 августа в налете на Милан участвовало более пяти сотен бомбардировщиков союзников. Впервые бомбы падали рядом с Дуомо. Одна из них повредила церковь Санта-Мария делле Грации, но чудесным образом не затронула фреску Леонардо да Винчи «Тайная вечеря».

Ла Скала повезло меньше. Бомба пробила крышу театра и взорвалась, в театре начался пожар. Другая бомба попала в «Галерею», которая сильно пострадала. Взрывной волной сотрясало и дом Лелла. Пино ту жуткую ночь пересидел в подвале.

На следующий день он встретился с Карлетто. Белтрамини собирались уехать от бомбардировок на ночь за город. Отец Пино, тетя Грета, дядя Альберт и Туллио Галимберти со своей последней подружкой присоединились к Белтрамини.

Когда поезд тронулся с вокзала, направляясь на восток, Пино, Карлетто и Туллио стояли у открытой двери товарного вагона, набитого миланцами, покидающими на ночь город. Поезд набрал скорость. Пино посмотрел на небо, такое безупречно-голубое, что он не мог себе представить его черным, с тесно летящими по нему самолетами.

3

Они пересекли реку По, и задолго до наступления темноты, когда земля еще млела от летней жары, поезд со скрежетом остановился среди холмистых сельскохозяйственных угодий, паровоз спустил пар. Пино с одеялом на плече поднялся следом за Карлетто на невысокий травянистый холм, окруженный фруктовым садом.

– Пино, – сказал синьор Белтрамини, – ты смотри внимательнее, к утру пауки сплетут паутину у тебя на ушах.

Синьора Белтрамини, хорошенькая хрупкая женщина, которая, казалось, всегда страдала от какой-нибудь болезни, пожурив его:

– Зачем ты это сказал? Ты же знаешь, я боюсь пауков.

Торговец фруктами едва сумел сдержать улыбку:

– О чем ты говоришь? Я всего лишь предупредил парня об опасностях, которые подстерегают, когда спишь в высокой траве.

Его жена хотела было что-то возразить, но потом просто отмахнулась от него, как от назойливой мухи.

Дядя Альберт выудил из полотняной сумки хлеб, вино, сыр и салями. Белтрамини достали пять спелых дынь. Отец Пино сел в траве рядом со скрипичным футляром, обхватил руками колени. На его лице появилось очарованное выражение.

– Ну не великолепно ли? – сказал Микеле.

– Что великолепно? – спросил дядя Альберт, недоуменно оглядываясь.

– Это место. Какой чистый воздух. А запах. Ни дыма, ни вони взрывчатки. Все кажется таким... не знаю. Невинным?

– Точно, – сказала синьора Белтрамини.

– Что точно? – спросил синьор Белтрамини. – Пройди чуть подальше – и все не так уж невинно. Коровьи лепешки, пауки, змеи...

Хлоп! Синьора Белтрамини стукнула мужа по руке:

– У тебя нет ни капли жалости? Хоть когда-нибудь?

– Эй, больно же, – сказал синьор Белтрамини с улыбкой.

– И хорошо, – сказала она. – Прекрати это. Я глаз не сомкнула прошлой ночью после всех этих разговоров о пауках и змеях.

Карлетто, который казался необъяснимо расстроенным, поднялся и пошел вниз по склону холма к фруктовому саду. Пино заметил девушек у каменной стены, окружавшей сад. Никто из них по красоте не мог сравниться с Анной. Но может, настало время действовать. Он потрусил вниз за Карлетто, поделился с ним своим планом, и они попытались перехватить девушек, но другая стайка парней оказалась проворнее.

Пино посмотрел на небо и сказал:

– Я всего лишь прошу немного любви.

– Я думаю, тебя устроил бы и поцелуй, – сказал Карлетто.

– Я удовольствуюсь и улыбкой.

Пино вздохнул.

Парни перелезли через стену и пошли вдоль рядов деревьев, ветки которых гнулись под тяжестью плодов. Персики еще не до конца созрели, но инжир был уже спелый. Некоторые ягоды попадали на землю. Они подняли несколько плодов, отерли их, сняли кожуру и съели.

Хотя им редко выпадало удовольствие поесть плоды с дерева во времена нормирования продуктов, с лица Карлетто не сходило обеспокоенное выражение.

– У тебя все в порядке? – спросил Пино.

Его друг отрицательно покачал головой.

– И что случилось?

– Так, ощущение.

– Чего?

Карлетто пожал плечами:

– Похоже, жизнь пошла не так, как мы ожидали, ничего хорошего она нам не сулит.

– Почему ты так думаешь?

– Ты всегда был невнимателен на уроках истории. Когда воюют большие армии, победитель в побежденной стране разрушает все.

– Не всегда. Саладин не разграбил Иерусалим. Все же я что-то слушал на уроках истории.

– Бог с ней, с историей, – сказал Карлетто, еще более расстроенный. – Просто я так чувствую, и оно не прекратится. Оно повсюду и...

Карлетто поперхнулся словами, слезы побежали по его щекам. Он тщетно пытался взять себя в руки.

– Да что такое с тобой? – спросил Пино.

Карлетто наклонил голову, словно разглядывал картину, которую никак не мог понять.

Губы его дрожали, когда он произнес:

– Мама больна. Все плохо.

– Что это значит?

– А что, по-твоему, это может значить? – воскликнул Карлетто. – Она умирает.

– Господи Иисусе! – сказал Пино. – Ты уверен?

– Я слышал, родители говорили о том, как ее нужно похоронить.

Пино подумал о синьоре Белтрамини, потом о Порции. Он подумал, что чувствовал бы, узнав о близкой смерти матери. Громадная пустота образовалась у него в желудке.

– Мне очень жаль, – сказал Пино. – Правда очень. Твоя мама – замечательная синьора. Она терпит твоего отца, значит она уже святая, а говорят, что святые получают вознаграждение на небесах.

Карлетто, несмотря на грусть, рассмеялся, отер слезы.

– Только она и может ставить его на место. Но он должен перестать, понимаешь? Она больна, а он дразнит ее, говорит о змеях и пауках. Это жестоко. Словно и не любит ее.

– Он любит твою маму.

– Он это никак не показывает. Он словно боится этого.

Они пошли в обратном направлении. У каменной стены слышали звуки скрипки.

4

Пино посмотрел на вершину холма, увидел, что его отец настраивает скрипку, а рядом стоит синьор Белтрамини, держа в руках ноты. Золотые лучи заходящего солнца освещали обоих и толпу вокруг них.

– Нет! – застонал Карлетто. – Мать Божья, нет.

Пино был обескуражен не меньше Карлетто. Временами Микеле Лелла играл блестяще, но чаще фальшивил. Отец Пино не выдерживал ритма, пропускал части, которые требовали идеальной игры. А голос у синьора Белтрамини обычно ломался или садился. Слушать обоих было мучительно, ты ни на минуту не мог расслабиться, потому что знал: сейчас они сфальшивят, и временами это звучало так плохо, что ты чувствовал смущение.

На вершине холма отец Пино любовно прижал подбородком к плечу скрипку, великолепный инструмент, изготовленный в Центральной Италии в восемнадцатом веке. Порция подарила мужу скрипку на Рождество десять лет назад, и Микеле берег ее как зеницу ока. Он поднял смычок.

Синьор Белтрамини покрепче встал на ноги, руки свободно опустил.

– Сейчас произойдет крушение поезда, – сказал Карлетто.

– Надвигается, – проговорил Пино.

Его отец проиграл первые такты мелодии «Nessun dorma», или «Никто не будет спать», возвышенной арии для тенора в третьем акте оперы Джакомо Пуччини «Турандот». Это была одна из самых любимых вещей отца, и Пино слушал ее на грампластинке: полным оркестром Ла Скала дирижировал Тосканини, исполнял арию мощнейший тенор Мигель Флета, а запись была сделана в 1920-е годы на первой постановке оперы.

Флета пел партию принца Калафа, богатого королевского сына, инкогнито путешествующего по Китаю, где он влюбляется в красивую, но холодную и капризную принцессу Турандот. Король постановил, что тот, кто добивается руки принцессы, сначала должен отгадать три загадки. Не отгадаешь хоть одну – и тебя ждет страшная смерть.

К концу второго акта Калаф разгадывает все загадки, но принцесса по-прежнему отказывается выйти за него замуж. Калаф говорит, что, если она до рассвета узнает его настоящее имя, он уедет, но если не сможет, то должна будет выйти за него.

Принцесса повышает ставки, она говорит Калафу, что если узнает его имя до рассвета, то ему отрубят голову. Он соглашается, и принцесса объявляет: «„Nessun dorma“ – никто не будет спать, пока имя ухажера не будет узнано».

В опере Калаф поет арию с приближением рассвета, когда принцесса близка к поражению. «Nessun dorma» идет в нарастающем темпе, она все ускоряется, требуя от певца все больше сил, он воспеваает свою любовь к принцессе и неизбежную победу, которая приближается с каждым мгновением.

Пино считал, что для достижения эмоционального торжества арии необходимы полный оркестр и знаменитый тенор вроде Флеты. Но в исполнении его отца и синьора Белтрамини ария, сведенная к одной мелодии и тексту, звучала так сильно, что он такого и представить себе не мог.

Когда Микеле играл в ту ночь, его скрипка издавала сильный, сочный звук. И синьор Белтрамини никогда не пел лучше. Голос скрипки и голос певца звучали для Пино как голоса двух ангелов – один высокий, другой низкий, и оба являли собой скорее божественное вдохновение, чем мастерство.

– Как они это делают? – удивленно спросил Карлетто.

Пино понятия не имел, почему его отец заиграл так виртуозно, но потом он заметил, что синьор Белтрамини поет не всем, а кому-то одному, и он понял, почему голос торговца фруктами звучит так прекрасно и нежно.

– Ты посмотри на своего отца, – сказал Пино.

Карлетто поднялся на цыпочки и увидел, что отец поет не всем собравшимся, а своей умирающей жене, словно в мире нет никого, кроме них двоих.

Когда они закончили, толпа на склоне принялась свистеть и хлопать. У Пино выступили слезы на глазах, потому что он впервые увидел своего отца героем. Слезы в глазах Карлетто были вызваны другими, более серьезными причинами.

– Ты играл фантастически, – сказал Пино отцу позднее, когда опустилась темнота. – И «Nessun dorma» – идеальный выбор.

– Для такого великолепного места мы и не могли выбрать ничего другого, – сказал отец; он, казалось, сам восхищен своей игрой. – А потом нас понесло, как говорят музыканты Ла Скала, – играли *con smania*, со страстью.

– Я это слышал, папа. Мы все слышали.

Микеле кивнул и счастливо вздохнул:

– Давай теперь поспим.

Пино вытоптал себе место, затем снял рубашку, чтобы подстелить под голову, вернулся в одеяло, которое взял из дома. Потом он уютно устроился и от запаха травы сразу же почувствовал сонливость.

Глаза его закрылись, он думал об игре отца, таинственной болезни синьоры Белтрамини и о том, как пел ее муж-весельчак. Он уснул с мыслью о том, что стал свидетелем чуда.

Несколько часов спустя Пино во сне бежал по улице за Анной, когда вдали раздался гром. Он остановился, а она продолжала бежать и вскоре скрылась в толпе. Это не расстроило его, но он подумал о том, когда начнется дождь и каким будет вкус капель у него на языке.

Карлетто встряхнул его, разбудил. Луна стояла высоко, проливая синеватый свет на склон. Все вокруг, кто успел встать на ноги, смотрели на запад. Бомбардировщики союзников атаковали Милан волнами, но ни самолетов, ни города издалека не было видно, только вспышки да выбросы пламени на горизонте и далекий рокот войны.

5

Когда на рассвете поезд вернулся в Милан, над городом клубились, крутились, вихрились дымы. Они вышли с вокзала на улицу, и Пино увидел различие между теми, кто оставался в городе во время бомбежки, и теми, кто сейчас вернулся. Ужас бомбежки ссутулил выживших, у них были пустые глаза и перекошенные рты. Мужчины, женщины и дети осторожно шагали мимо, словно в любую секунду земля у них под ногами могла разверзнуться огненной бездной. Почти над всем городом висел дым. Разорванные, развороченные машины. Разбитые и лежащие в руинах здания. Деревья без листьев, сорванных ударной волной.

Несколько недель Пино и его отец держались такого расписания: днем работали, а ближе к вечеру уезжали из города, чтобы вернуться с рассветом и увидеть новые зияющие раны Милана.

8 сентября 1943 года итальянское правительство, подписавшее 3 сентября безусловное перемирие, объявило о том, что сдаётся союзным армиям. На следующий день британские и американские войска высадились в Салерно, на подъеме «итальянского сапога». Немцы оказывали сопротивление – где слабое, где яростное. Большинство солдат Муссолини просто выбросили белый флаг, увидев высадку Пятой армии американского генерал-лейтенанта Марка Кларка. Известие о вторжении американцев, достигнув Милана, стало праздником для Пино, его отца, дядюшки и тетушки. Они решили, что война кончится через несколько дней.

Не прошло и суток, как немцы установили контроль над Римом, арестовали короля и окружили Ватикан войсками и танками, которые навели свои орудия на купол собора Святого Петра. 12 сентября специальная группа нацистских солдат высадилась с планеров в горах Гран-Сассо, где удерживался Муссолини, и освободила его. Его перевезли в Вену, а потом в Берлин, где Гитлер принял дуче.

Через несколько дней Пино слушал двух диктаторов по радио, они поклялись до последней капли немецкой и итальянской крови сражаться с союзниками. Пино казалось, что мир сошел с ума, к тому же он погрузился в депрессию оттого, что уже три месяца не видел Анну.

Прошла неделя. Бомбежки продолжались. Школа Пино оставалась закрытой. Немцы начали полномасштабное вторжение с севера через Австрию и Швейцарию, была учреждена марионеточная Итальянская социалистическая республика во главе с Муссолини и со столицей в маленьком городке Салó на озере Гарда к северо-востоку от Милана.

Отец Пино говорил только об этом, когда они рано утром 20 сентября 1943 года шли с вокзала в Сан-Бабилу, проведя еще одну ночь в полях за городом. Микеле так зациклился на теме захвата Северной Италии, что не заметил черный дым над кварталом моды и Виа Монтенаполеоне. Дым заметил Пино и припустил бегом. Он пробежал по узким улочкам и несколько секунд спустя из-за поворота увидел впереди их дом.

Там, где прежде находилась крыша, зияла дыра, из которой к небесам поднимался дым. Венецианские стекла магазина «Сумочки ди Лелла» превратились в осколки, рамы – в почерневшие щепки. Сам магазин напоминал нутро угольной шахты. Взрыв искалечил все до неузнаваемости.

– Господи боже, нет! – воскликнул Микеле.

Отец Пино выпустил из рук футляр скрипки и, рыдая, упал на колени. Пино никогда не видел своего отца в слезах, во всяком случае, не помнил такого, и при виде горя Микеле Пино почувствовал опустошенность, печаль и унижение.

– Ну-ну, папа, – сказал он, пытаясь поднять отца на ноги.

– Все пропало, – плакал Микеле. – Наша жизнь пропала.

– Чепуха, – сказал дядя Альберт, беря зятя под руку. – У тебя есть деньги в банке, Микеле. Если понадобится ссуда, я тебе дам. Квартира, мебель, товар – все это ты сможешь восстановить.

– Не знаю, как я скажу об этом Порции, – слабым голосом проговорил отец Пино.

– Микеле, ты ведешь себя так, будто в твоих силах было предотвратить попадание бомбы в твой дом, – просопел дядя Альберт. – Ты скажешь ей правду, и вы начнете все заново.

– А пока поживете у нас, – сказала тетя Грета.

Микеле закивал было, но потом сердито повернулся к Пино:

– Но не ты.

– Папа?

– Ты поедешь в «Каса Альпина». Будешь учиться там.

– Нет, я хочу быть в Милане.

Отец Пино рассвирепел:

– Ты здесь не останешься! У тебя здесь нет голоса. Ты мой первенец. Я не допущу, чтобы ты погиб от шальной бомбы. Я... я бы не вынес этого. И твоя мать тоже.

Вспышка отца ошеломила Пино. Такое поведение было не в характере Микеле, который привык размышлять, обдумывать, а не вспыхивать и кричать. И уж конечно, не на улице в Сан-Бабиле, где слухи о событиях в мире моды подхватывались, разносились и никогда не забывались.

– Хорошо, папа, – тихо сказал Пино. – Я уеду из Милана в «Каса Альпина», если ты так хочешь.

Часть вторая Соборы Господа

Глава пятая

1

Поздним утром следующего дня на Центральном вокзале Микеле сунул в руку Пино пачку лир и сказал:

– Я пришлю твои книги, и кто-нибудь будет встречать тебя на платформе. Веди себя хорошо и передай от меня привет Миммо и отцу Ре.

– А когда я вернусь?

– Когда здесь будет безопасно.

Пино с несчастным видом посмотрел на Туллио – тот пожал плечами, а потом на дядю Альберта – тот разглядывал свои туфли.

– Неправильно это, – сказал он, в ярости схватил рюкзак, набитый одеждой, сел в почти пустой вагон и, кипя от злости, уставился в окно.

С ним обращаются как с малолеткой. Но разве это он падал на колени и плакал у всех на глазах? Нет. Пино Лелла принял удар и выстоял, как мужчина. Но что он мог сделать? Бросить вызов отцу? Спрыгнуть с поезда? Уйти к Белтрамини?

Состав дернулся и заскрежетал, отходя от вокзала, проехал через депо, где под прищотом немецких солдат сотни людей с пустыми глазами, многие из них в поношенной серой форме, грузили на платформы ящики с запасными частями для танков, винтовками, пулеметами, бомбами и снарядами. Вероятно, это военнопленные, расстроено подумал Пино. Он высунул голову из окна и разглядывал их, пока поезд проезжал депо.

Через два часа пути поезд, миновав подножия холмов у озера Комо, направился к Альпам. В обычной ситуации Пино разглядывал бы озеро, красивее которого, по его мнению, в мире не было. Еще ему нравился городок Белладжио на южном берегу озера. Тамошний роскошный отель напоминал розовый замок из сказки.

Но сегодня он смотрел вниз на дорогу вдоль восточного берега Комо и длинную цепочку грузовиков, наполненных грязными людьми с пустыми глазами, на многих была та же серая форма, которую он видел в депо. Их были сотни, а может, тысячи.

«Кто они такие? – недоумевал он. – Где их арестовали? И почему?»

Он продолжал думать о них следующие сорок минут, и позднее после пересадки, и когда сошел в городке Кьявенна.

Немецкие солдаты там словно и не замечали его. Пино вышел из вокзала, и впервые с сегодняшнего утра настроение у него улучшилось. Стоял теплый, солнечный день начала осени. Воздух был свежий и ясный, а Пино направлялся в горы. Теперь все будет хорошо, решил он. По крайней мере, сегодня.

– Эй, малец! – позвал его кто-то.

Жилистый парень приблизительно одного возраста с Пино стоял, опершись на старый «фиат-купе». На нем были полотняные рабочие брюки и заляпанная маслом футболка. Из рта торчала сигарета.

– Кого это ты называешь мальцом? – спросил Пино.

– Тебя. Ты ведь малец Лелла?

– Пино Лелла.

– Альберто Аскарри, – сказал парень, ударяя себя по груди. – Мой дядюшка попросил встретить тебя и привезти в Мадезимо.

Аскарри выкинул сигарету и протянул руку, почти такую же большую, как у Пино, и, к его удивлению, более сильную.

Пожимая Пино руку, Аскарри чуть не сломал ему пальцы.

– Это где же ты так накачался? – спросил Пино.

Аскарри улыбнулся:

– В мастерской моего дяди. Кидай свои вещи сюда, малец.

Словечко «малец» немного беспокоило Пино, но в остальном Аскарри вел себя вполне достойно. Он открыл пассажирскую дверь. Машина внутри была безукоризненна. На водителем сиденье лежало полотенце, защищая его от масла.

Аскарри завел двигатель, производивший звук, не похожий на звук двигателей других «фиатов», в которых Пино ездил прежде, – низкое, гортанное урчание, которое, казалось, сотрясало всю подвеску.

– Это не городской двигатель, – сказал Пино.

Аскарри усмехнулся и включил передачу.

– Неужели ты думаешь, что на машине у гонщика будет стоять городская трансмиссия или городской двигатель?

– Ты гонщик? – скептически спросил Пино.

– Буду, – ответил Аскарри и отпустил сцепление.

2

Они рванули прочь от маленького вокзала и выехали на мощеную дорогу. «Фиат» на повороте чуть не лег на бок, но Аскарри успел выкрутить рулевое колесо в другую сторону. Покрышки хорошо держали дорогу. Аскарри переключил передачу, нажал на газ.

Пино вдавило в пассажирское сиденье, но ему удалось упереться руками и ногами, перед тем как Аскарри вылетел на маленькую городскую площадь, ловко обогнал грузовичок, груженный курами, опять переключил передачу. На выезде из города они все еще набирали скорость.

Дорога на перевал Шплюген делала множество петель и поворотов параллельно реке, текущей в крутых берегах долины, уходящей в Альпы, к Швейцарии. Аскарри мастерски проехал Шплюген, машина аккуратно проходила все повороты, обгоняла другие машины на дороге так, будто те стояли на месте.

Эмоции Пино колебались в пределах от презренного страха до радостной эйфории, зависти и восхищения. Аскарри сбросил наконец скорость, подъезжая к окраинам городка Камподольчино.

– Я тебе верю, – сказал Пино, чье сердце колотилось как сумасшедшее.

– Это ты о чем? – недоуменно спросил Аскарри.

– Я верю, что ты в один прекрасный день станешь гонщиком, – сказал Пино. – Знаменитым. Я еще не видел никого, кто так водил бы машину.

Улыбка Аскарри не могла быть шире.

– Мой отец водил лучше. Был чемпионом европейского Гран-при. Он уже умер. – Он оторвал руку от баранки и направил указательный палец на лобовое стекло к небесам. – Даст Бог, папа, я буду чемпионом Европы, а то и чемпионом мира!

– Я в это верю, – повторил Пино, восхищенно покачивая головой. Потом перевел взгляд на серую отвесную скалу, поднимавшуюся более чем на четыреста пятьдесят метров над восточной окраиной города. Он опустил стекло, высунул голову и оглядел вершину скалы.

– Ты что ищешь? – спросил Аскари.

– Иногда на колокольне можно увидеть крест.

– Вон он, – сказал Аскари. – На стене есть зарубка. Только поэтому ты ее и видишь. – Он показал вверх через лобовое стекло. – Вон там.

На мгновение перед глазами Пино мелькнули крест и вершина каменной колокольни в Мотте, самом высоком горном поселении в этой части Альп. В первый раз за этот день он позволил себе порадоваться тому, что он не в Милане.

Аскари повел машину к опасной дороге на Мадезимо – крутому, узкому, в рытвинах серпантину, опутывавшему горный склон. Никаких ограждений и, по существу, никаких обочин, и несколько раз во время подъема Пино думал, что Аскари не удержит машину и они рухнут в пропасть. Но Аскари, казалось, знал каждый сантиметр дороги, потому что крутил баранку и жал на тормоза так, что они ровно проходили все повороты, Пино даже казалось, что они едут по снегу, а не по скальной породе.

– А на лыжах ты так же катаешься? – спросил Пино.

– Я не умею кататься на лыжах, – ответил Аскари.

– Что? Живешь в Мадезимо и не умеешь кататься?

– Моя мать отправила меня сюда, чтобы я был в безопасности. Я работаю в мастерской дяди и вожу машину.

– Катание на лыжах похоже на вождение машины, – сказал Пино. – Такая же тактика.

– Ты хорошо катаешься?

– Выигрывал кое-какие соревнования. По слалому.

Гонщик посмотрел на Пино с уважением:

– Тогда мы подружимся. Ты будешь учить меня кататься на лыжах, а я тебя – водить машину.

Пино широко улыбнулся:

– Заметано.

Они добрались до крохотного поселка Мадезимо, в котором имелись гостиница с шиферной крышей, ресторан и несколько десятков альпийских домов.

– А девочки тут есть? – спросил Пино.

– Я знаю нескольких внизу. Они любят ездить в быстрых машинах.

– Нужно нам как-нибудь прокатиться с ними.

– Мне такой план по душе! – сказал Аскари, останавливая машину. – Отсюда дойдешь?

– С завязанными глазами в метель, – сказал Пино. – Может быть, по выходным я буду спускаться и останавливаться в гостинице.

– Тогда заглядывай ко мне. Наша мастерская за гостиницей. Мимо не пройдешь.

Он протянул руку. Пино поморщился и сказал:

– Только не сломай мне пальцы.

– Ладно, – сказал Аскари и крепко пожал ему руку. – Рад был познакомиться, Пино.

– И я тоже, Альберто, – ответил Пино. Он взял рюкзак и вышел из машины.

Аскари рванул с места, помахав из открытого окна рукой.

3

Пино постоял несколько секунд. У него было такое чувство, будто он познакомился с каким-то важным человеком в своей жизни. Потом он закинул рюкзак на спину и пошел по широкой тропинке в лес. Тропинка все круче и круче уходила вверх, и наконец, через час, он вышел из леса на высокое альпийское плато под склоном горы, поднимающейся почти на тысячу двести метров и заканчивающейся острием, называемым Пиццо-Гроппера.

Плато Мотта имело ширину в несколько сотен метров и опоясывало Гропперу с юго-востока. Западная оконечность этого широкого козырька заканчивалась небольшой хвойной рощей, которая цеплялась за край снижающегося к Камподольчино утеса высотой в стопятидесятиэтажное здание. Солнце во второй половине дня, как медная чеканка, лежало на осенних Альпах, и закат, как и всегда, привел Пино в трепет. Кардинал Шустер был прав: находиться в Мотте – все равно что стоять на балконе одного из величайших соборов Господа.

Мотта мало чем отличалась от Мадезимо. Здесь, на восточной части плато, близ утесов и елей стояли несколько домов в альпийском стиле, маленькая католическая часовня, которую Пино мельком видел снизу, и гораздо более крупное сооружение из камня и дерева. Приближаясь к дому, Пино, который уже несколько месяцев не чувствовал себя так хорошо, все отчетливее ощущал запах свежеспеченного хлеба, какой-то острой чесночной еды. В животе у него заурчало.

Он вошел под крышу крыльца, постоял перед тяжелой деревянной дверью, потянулся к шнурку, свисавшему с тяжелого медного колокола над табличкой, на которой было написано: «Каса Альпина». Здесь рады всем усталым путникам». Пино дважды дернул шнурок.

Звук колокола эхом отразился от скал у него за спиной. Он услышал крики мальчишек, потом шаги. Дверь распахнулась.

– Здравствуйте, отец Ре, – сказал Пино грузному священнику лет пятидесяти пяти. На священнике, опиравшемся на трость, была черная ряса с белым воротничком и кожаные, подбитые гвоздями альпинистские ботинки.

Отец Ре распахнул объятия:

– Пино Лелла! До меня сегодня утром дошли слухи, что ты приедешь и снова побудешь у меня.

– Бомбежки, отец, – сказал Пино, обнимая священника. Эмоции переполняли его. – В городе совсем плохо.

– И это мне известно, сын мой, – сказал отец Ре срывающимся голосом. – Но заходи, закрой дверь, не выстужай дом.

– Как ваша нога?

– То хуже, то лучше, – сказал отец Ре и, прихрамывая, отошел в сторону, чтобы впустить Пино.

– Как Миммо воспринял новости, отец? – спросил Пино. – Я говорю о нашем доме.

– Это уж ты сам ему должен сообщить, – ответил отец Ре. – Ты ел?

– Нет.

– Тогда ты прибыл вовремя. Оставь пока свои вещи здесь. После обеда я тебе покажу, где ты будешь спать.

Пино последовал за священником, который с трудом похрамал в столовую, где на грубых скамьях за такими же грубыми столами сидели сорок ребят. В каменном очаге в дальнем конце комнаты горел огонь.

– Садись рядом с братом, пообедай, – сказал отец Ре. – А за десертом пересядешь ко мне.

Пино увидел Миммо, который потчевал своих друзей какой-то страшной историей. Он подошел к брату сзади и сказал писклявым голосом:

– Эй, синьор коротышка, подвинься.

Пятнадцатилетний Миммо был здесь чуть ли не самым старшим, а потому явно привык находиться в центре внимания. Он повернулся с суровым выражением на лице – собиравшись проучить писклявого мальчишку, чтобы знал свое место в этом мире. Но тут он узнал старшего брата, и на его лице появилась озадаченная улыбка.

– Пино? – сказал он. – Ты что здесь делаешь? Ты же говорил, что никогда... – Испуг Миммо вдруг взял верх над радостью от встречи. – Что случилось?

Пино рассказал ему. Для младшего брата услышанное было тяжелым ударом. Несколько секунд смотрел он в доски пола, потом поднял голову:

– И где мы будем жить?

– Папа и дядя Альберт найдут новое место для квартиры и магазина, – сказал Пино, садясь рядом. – Но до тех пор, я думаю, мы с тобой будем жить здесь.

– На ужин сегодня, – сказал мужской голос, – свежий хлеб, свежесбитое масло и куриная тушенка а-ля Бормио.

Пино посмотрел в сторону кухни, увидел там знакомое лицо. Громилу с копной нечесанных черных волос и невероятно громадными волосатыми руками. Брат Бормио был бесконечно предан отцу Ре, он служил помощником священника и был в ответе за все. В том числе за приготовление еды в «Каса Альпина», и еды превосходной.

Брат Бормио наблюдал за перемещением горячих горшочков с тушенкой. Когда все они оказались на столе, отец Ре встал и сказал:

– Молодые люди, мы должны быть благодарны за этот день и за все другие дни, какими бы печальными они ни были. Склоните головы, поблагодарите Господа, имейте веру в Него и в лучшее завтра.

Пино сотни раз слышал эти слова от священника, и всегда они трогали его, он чувствовал себя маленьким и незначительным, благодаря Бога за то, что с его помощью уехал от бомбардировок, за то, что встретил Альберто Аскарри, за то, что снова находится в «Каса Альпина».

Потом отец Ре сам поблагодарил Господа за стол и хлеб, и все приступили к еде.

Уставший после долгого дня в дороге, Пино съел почти целую буханку черного хлеба Бормио и три миски с тушенкой.

– Эй, нам хоть что-нибудь оставь! – в какой-то момент не выдержал Миммо.

– Я больше вас, – сказал Пино. – Мне больше нужно.

– Иди за стол отца Ре. Он почти ничего не ест.

– Хорошая мысль, – сказал Пино, взъерошил волосы на голове брата и уклонился от шутливого удара, который попытался нанести ему Миммо.

4

Пино пробрался через столы и скамьи туда, где сидели отец Ре и брат Бормио, который устроил себе передышку и теперь курил самокрутку.

– Ты помнишь Пино, брат Бормио? – спросил отец Ре.

Бормио кивнул. Он положил себе еще две ложки тушенки, затянулся самокруткой и сказал:

– Сейчас принесу десерт, отец.

– Штрудель? – спросил отец Ре.

– Со свежими яблоками и грушами, – довольным тоном ответил Бормио.

– Где ты их достал?

– Друг, – ответил Бормио. – Очень хороший друг.

– Да благословит Господь твоего друга. Принеси нам обоим по две порции, – сказал отец Ре и посмотрел на Пино. – Ограничения тоже должны иметь меру.

– Что-что?

– Десерты – это мой единственный грех, Пино. – Священник рассмеялся и потер свой живот. – От них я даже в пост не могу отказаться.

Яблочно-грушевый штрудель не уступал выпечке, которую покупал Пино в своей любимой пекарне в Сан-Бабиле, и он был благодарен отцу Ре за две порции. Он так набил себе живот, что его, довольного, стало клонить в сон.

– Пино, ты помнишь дорогу на Валь-ди-Леи? – спросил отец Ре.

– Самый простой путь – на юго-восток к дороге на Пассо-Анджелого⁴, а потом прямо на север.

– Над деревней Состе. – Отец Ре кивнул. – Один твой знакомый только на прошлой неделе прошел тем путем – через Пассо-Анджелого до Валь-ди-Леи.

– Кто же это?

– Барбарески. Семинарист. Он сказал, что слышал твой разговор с кардиналом Шустером.

Пино казалось, это было сто лет назад.

– Я его помню. Он здесь?

– Уехал в Милан сегодня утром. Вы, вероятно, разминулись в пути.

Пино не придал этому совпадению особого значения и несколько секунд как замороженный смотрел на языки пламени в очаге; он снова чувствовал сонливость.

– Ты только таким путем добирался? – спросил отец Ре. – До Валь-ди-Леи?

Пино подумал, потом сказал:

– Нет, я два раза ходил северным маршрутом, а один раз – трудным путем: отсюда до хребта, а потом через вершину Гропперы.

– Хорошо, – сказал священник. – А то я не мог вспомнить.

Он встал, сунул в рот два пальца и резко свистнул. В комнате воцарилась тишина.

– Дежурные по столовой – к брату Бормио. Остальным – столы очистить и протереть, после чего занятия.

Миммо и остальные ребята, казалось, были знакомы с заведенным порядком, и они почти без возражений (что удивило Пино) принялись за работу. Пино взял свой рюкзак и последовал за отцом Ре, мимо дверей в две большие спальни, в узкую комнату с кушетками, встроенными в стену, и занавесом посередине.

– Не роскошь, в особенности для парня твоего роста, но лучшего у нас сейчас нет, – сказал отец Ре.

– А кто еще со мной?

– Миммо. До этого дня он спал здесь один.

– Он будет счастлив.

– Решайте тут вдвоем свои проблемы, – сказал священник. – Вы старше остальных, так что я не требую, чтобы вы подчинялись общим правилам. А твои правила будут такие. Каждый день ты должен будешь подниматься по маршруту, который я укажу. И ты должен три часа в день уделять занятиям – с понедельника до пятницы. Суббота и воскресенье целиком твои. Устраивает?

Пино подумал, что лазать по горам придется немало, но он любил это дело, а потому ответил:

– Да, отец.

– Ну, тогда устраивайся, – сказал отец Ре. – Хорошо, что ты снова здесь, мой молодой друг. Теперь я вижу, что твое присутствие может стать мне большим подспорьем.

Пино улыбнулся:

– Я рад, что снова здесь. Мне не хватало вас, отец, и Мотты.

Отец Ре подмигнул, стукнул два раза по дверному косяку и вышел. Пино освободил две полки, положил одежду брата на верхнюю. Потом он вытащил свои вещи из рюкзака,

---

⁴ «Ступень Ангела» (*ит.*).

разложил книги, одежду и свой разобранный коротковолновый приемник, спрятанный среди одежды, хотя он и отдавал себе отчет в опасности, которой подвергался, если бы его обыскали. Лежа на нижней койке, Пино прослушал сообщение Би-би-си о продвижении союзников, а потом его сморил сон.

5

– Эй! – раздался час спустя голос Миммо. – Здесь я сплю!

– Теперь буду я, – сказал Пино, вставая. – Твоя верхняя.

– Я сюда первый приехал, – запротестовал Миммо.

– Что с возу упало, то пропало.

– Но моя койка не пропадала! – закричал Миммо, бросился на Пино и попытался стащить его с кровати.

Пино был гораздо сильнее, но у Миммо было сердце воина, и он никогда не чувствовал, что пора признать поражение. Миммо в кровь разбил Пино нос, прежде чем тот припечатал его к полу.

– Ты проиграл.

– Нет, – прорычал Миммо, пытаясь высвободиться. – Это моя кровать.

– Я тебе вот что скажу. Когда я буду уходить на выходные, ты можешь на ней спать.

Четыре или пять дней в неделю она моя, а два или три – твоя.

Это, казалось, успокоило брата.

– А где ты будешь на выходных?

– В Мадезимо, – сказал Пино. – У меня тут есть друг, он будет учить меня ремонтировать машины и водить их по-чемпионски.

– Врешь.

– Это правда. Он привез меня сюда с вокзала. Альберто Аскарри. Лучшего водителя я в жизни не видел. Его отец был чемпионом.

– А с чего это он будет тебя учить?

– Баш на баш. Я его буду учить кататься на лыжах.

– Может, он и меня поучит водить? Я ведь на лыжах езжу лучше тебя.

– Ты видишь сны наяву, братишка. А что, если я буду тебя учить тому, чему меня научит великий Альберто Аскарри?

Миммо задумался ненадолго.

– Договорились.

Позднее, когда выключили свет и Пино забрался под одеяло, он стал думать о Милане – бомбят ли его сегодня, как дела у отца, дядюшки и тетушки, спит ли Карлетто на вершине холма или же смотрит, как в городе возникают новые пожары, поднимаются к небу клубы дыма. На миг перед его мысленным взором мелькнула Анна, выходящая из булочной, когда он заговорил с ней.

– Пино? – позвал его Миммо, когда Пино уже начало клонить в сон.

– Да? – раздраженно ответил Пино.

– Как ты думаешь, я скоро вырасту?

– Теперь уже в любой день.

– Я рад, что ты приехал.

Пино улыбнулся, хотя нос у него все еще побаливал.

– Я тоже рад, что я здесь.

Глава шестая

1

Пино снились автогонки, когда отец Ре разбудил его на следующее утро. Было еще темно. Он увидел силуэт священника в свете лампы, которую тот поставил в коридоре перед узкой комнатой братьев.

– Отец? – сонным голосом прошептал Пино. – Который час?

– Половина пятого.

– Половина пятого?

– Вставай и одевайся для прогулки. Тебе нужно набрать форму.

Пино знал, что спорить бесполезно. И хотя категоричностью священник явно уступал матери Пино, он мог быть не менее упрямым и требовательным, чем Порция в самом своем непримиримом настроении. Пино давно решил для себя, что у людей такого рода на дороге лучше не стоять, лучше идти с ними в одном направлении.

Он взял свою одежду и пошел в умывальную одеваться. Тяжелые холщовые, с кожаными вставками короткие штаны, толстые шерстяные носки, пара новеньких жестких ботинок, купленных ему отцом днем ранее. Поверх зеленой суконной рубашки он надел темно-серый шерстяной жилет.

В столовой, кроме отца Ре и брата Бормио, никого не было. Бормио приготовил ему яичницу с ветчиной и тосты. Пока Пино ел, священник наполнил водой две фляги и сказал, чтобы он положил их в рюкзак. Дали ему запас еды и непромокаемую куртку на случай дождя.

– И куда мне идти? – спросил Пино, подавляя зевету.

Под рукой у отца Ре была карта.

– Иди легкой дорогой на Пассо-Анджелого, над которым торчит Пиццо-Стелла⁵. Девять километров туда, девять обратно.

Восемнадцать километров? Пино давно не совершал таких дальних походов. Тем не менее он кивнул.

– Иди прямо на перевал и постарайся, если это будет возможно, никому не попадаться на глаза.

– Почему?

Отец Ре помедлил.

– Некоторые люди из соседних деревень считают, что Пассо-Анджелого принадлежит им. Лучше тебе держаться от них подальше.

Шагая по предрассветной дорожке, ведущей на юго-восток от «Каса Альпина», Пино задавал себе десятки вопросов. Дорожка шла по длинному, легкому траверсу, следовавшему контуру горы, а потом спускалась с южной стороны Гропперы.

Когда он добрался до самого низа, солнце уже поднялось и освещало Пиццо-Стелла впереди и справа от него. Воздух был такой ароматный, насыщенный запахом сосны и бальзамина, что Пино даже и вспомнить не мог вонь, стоящую над воронками после взрывов бомб.

Пино остановился, выпил воды, съел половину ветчины, сыра и хлеба, приготовленных для него Бормио. Он потянулся, посмотрел по сторонам, вспомнив предупреждение

---

⁵ «Пик Звезда» (ит.).

отца Ре: не попадаться на глаза людям, которые считают перевал своим. С чем было связано это предупреждение?

Закинув снова на спину рюкзак, Пино пошел по серпантину, который вел к Пассо-Анджелого, южному перевалу на Валь-ди-Леи. До этого момента он спускался по пологому склону. Теперь он почти все время поднимался, набирая полные легкие разреженного воздуха. Его голени и бедра горели.

Дорожка вскоре вышла из леса, деревья сменились редкими, погнутыми ветром кустами можжевельника, цеплявшимися за покрытые тонким слоем земли скалы. Солнце перевалило за хребет, высветило другие растения – кустарники, мхи, лишайники, все они имели бледные оттенки оранжевого, красного и желтого.

Когда он преодолел три четверти пути к перевалу, на небе над вершиной Гропперы, высоко над Пино и слева от него, стали собираться тучи. Гораздо ниже седловины тундровая растительность уступила место голым скалам и осыпям. Теперь он шел по камням, и жесткая новая обувь стала натирать ему пятки и пальцы.

В его планы входило добраться до пирамиды из камней в середине Пассо-Анджелого, а там снять ботинки и носки. Но к исходу третьего часа пути тучи стали крупными, зловещими и серыми. Поднялся ветер. На западе он увидел косые штормовые линии угольного цвета.

2

Надев куртку, Пино поспешил к пирамиде на пересечении нескольких тропинок у вершины Пассо-Анджелого, включая и те, которые вели к бровке Гропперы и к Пиццо-Стелла. Он не успел добраться до пирамиды, как опустился клубящийся туман.

Пошел дождь, сначала несколько капель, но Пино часто бывал в Альпах и уже предчувствовал, что будет дальше. Отбросив всякие мысли о том, чтобы дать отдохнуть ногам или перекусить, он прикоснулся к пирамиде и развернулся навстречу ветру и надвигающемуся шторму. Он устремился назад, вниз по склону, а дождь тем временем быстро перешел в крупный град, который молотил по его капюшону и вынуждал прикрывать глаза ладонью.

Порывы ветра с градом обдували скалы, подхватывали камушки на тропинке, покрывали их ледяной глазурью, и Пино пришлось сбавить шаг. Град кончился вместе с ветром, но дождь продолжился. Тропинка обледенела. У Пино ушло почти полчаса, чтобы добраться до первых деревьев. Он промок. Продрог. На ногах появились волдыри.

Когда он достиг развилки и начал подниматься назад к Мотте и «Каса Альпина», до него стали доноситься крики со стороны Состе. Даже с расстояния, даже сквозь дождь он слышал, что это голос рассерженного человека.

Пино вспомнил предупреждения отца Ре – не попадаться никому на глаза, сердце его учащенно забилось, он развернулся и побежал.

Слыша, что крики сзади и внизу становятся все яростнее, Пино припустил вверх по склону в лес и не сбавлял скорости почти пятнадцать минут. Его легкие готовы были разорваться. Он постоял, согнувшись в пояснице, глотая ртом воздух и чувствуя тошноту от усталости и высоты. Но теперь криков он не слышал, только дождь падал с крон деревьев, а где-то далеко внизу свистел паровоз. Он двинулся дальше. Настроение у него улучшилось, он посмеялся, думая о том, как ловко ушел от крикуна.

Дождь начал стихать, когда Пино добрался до «Каса Альпина». Он отсутствовал пять часов и пятнадцать минут.

– Ты почему так долго? – спросил отец Ре, появившись в коридоре. – Я не сомневался, но брат Бормио уже начал волноваться.

– Град, – сказал Пино дрожа.

– Разденься до нижнего белья и сядь перед огнем, – сказал отец Ре. – Я попрошу Миммо принести тебе сухую одежду.

Пино снял ботинки и носки, поморщился при виде жутких пузырей – все они лопнули и приобрели синюшно-красный цвет.

– Сейчас мы обработаем их йодом и солью, – сказал отец Ре.

Пино съежился. Когда он разделся до нижнего белья, его начало трясти. Он обхватил себя руками и поковылял в столовую, где все сорок мальчишек занимались под внимательным присмотром брата Бормио. Как только они увидели полуголого Пино, идущего к очагу, их обуял смех, громче всех смеялся Миммо. Даже брату Бормио это зрелище вроде бы показалось забавным.

Пино отмахнулся от них, ему было все равно, лишь бы добраться до огня. Он стоял в тепле несколько долгих минут, поворачиваясь к огню то одним, то другим боком, пока не появился Миммо с сухой одеждой. Когда Пино оделся, к нему с кружкой горячего чая и миской теплого солевого раствора для ног подошел отец Ре. Пино с благодарностью выпил чай и заскрежетал зубами, погрузив ноги в соленую воду.

Священник попросил Пино рассказать обо всем, что случилось с ним во время похода, и Пино поведал отцу Ре о своих приключениях, не забыл и о сердитом человеке из Состе.

– Ты его лица не видел?

– Он был далековато, к тому же шел дождь, – ответил Пино.

Отец Ре подумал, потом сказал:

– После ленча можешь поспать, а потом ты должен мне три часа занятий.

Пино, зевнув, кивнул. Ел он как волк, потом похрамал на свою койку и уснул, как только голова коснулась подушки.

3

Следующим утром отец Ре разбудил его на час позже.

– Вставай, – сказал он. – Тебя ждет еще одна прогулка. Завтрак через пять минут.

Пино пошевелился, все тело у него болело, но волдыри после солевой ванны стали заживать.

И все же одевался он так, будто все еще находился в том густом тумане, в который попал вчера. Ему страшно хотелось спать, и зевота одолевала его, пока он осторожно шел в носках в столовую. Отец Ре ждал его с едой и картой.

– Я хочу, чтобы сегодня ты пошел северным маршрутом, – сказал отец Ре, показывая пальцем сначала на жирную линию вокруг уступа в Могте, отмечавшую гужевую дорогу, которая шла вниз по склону до Мадезимо, а потом на ряд расположенных близко друг к другу линий, означающих увеличивающуюся крутизну за поселком. – Держись повыше, когда будешь пересекать открытые пространства здесь и здесь. Ты увидишь звериные тропы – они помогут тебе пересечь ущелье. Конец маршрута здесь – на этом лужке, которым завершается склон от Мадезимо. Ты его узнаешь?

Пино уставился на карту.

– Пожалуй. Но почему бы мне не обойти этот склон? Спуститься до Мадезимо по этой дорожке, а потом подниматься вверх? Так будет быстрее.

– Будет, – ответил отец Ре. – Но меня не интересует скорость. Мне нужно, чтобы ты прошел этим маршрутом незамеченным.

– Почему?

– Есть причины, о которых я пока не хочу говорить, Пино. Этот маршрут безопаснее.

После этих слов недоумение Пино лишь увеличилось, но он сказал:

– Хорошо. А потом назад?

– Нет, – ответил священник. – Я хочу, чтобы ты поднялся в чашу этого горного амфитеатра. Смотри на звериную тропу, она идет вверх и в Валь-ди-Леи. Не поднимайся по ней, если не почувствуешь, что готов. Если не готов, можешь вернуться и попробовать в другой раз.

Пино вздохнул, понимая, что ему предстоит еще один нелегкий день.

Погода ему благоприятствовала. В Южных Альпах стояло прекрасное осеннее утро. Вот только мышцы Пино и его заклеенные волдыри давали о себе знать, когда он двигался по скалистым карнизам на западном склоне Гропперы, через ущелье, заваленное упавшими деревьями и камнями, сходящими вместе с лавинами. У него ушло более двух часов, чтобы добраться до лужка, который показывал ему на карте отец Ре. Он двинулся вверх по высоким густым альпийским травам, уже пожухлым и побледневшим.

Как волосы Анны, подумал Пино, рассматривая волоски, окружавшие созревшие семечки, которые только и ждали, чтобы их унес ветер. Он вспомнил Анну на тротуаре у пекарни, вспомнил, как бросился за ней. У нее были точно такие волосы, решил он, только гуще, роскошнее. Он поднимался все выше, мягкие стебли ласкали его голые ноги, вызывая у него улыбку.

Через девяносто минут он добрался до северного амфитеатра, напоминавшего внутренности вулкана, – три сотни метров отвесной стены слева и справа и неровные, острые камни поверху. Пино нашел козью тропу, хотел было подняться по ней, но решил, что не стоит этого делать, – какой будет от него прок на вершине, если ноги превратятся в фарш. Вместо этого он направился сразу вниз, к Мадезимо.

До поселка в ту пятницу он добрался в час дня, вошел в гостиницу, поел, заказал себе комнату. Хозяева были добрыми людьми с тремя детьми, один из них – семилетний Никко.

– Я лыжник, – похвастался Никко, пока Пино жадно ел.

– И я тоже, – сказал Пино.

– Но я лучше.

Пино усмехнулся:

– Может, и нет.

– Я тебе покажу, когда выпадет снег, – сказал мальчик.

– Буду ждать с нетерпением, – сказал Пино и взъерошил мальчугану волосы.

Усталый, но уже утоливший голод, Пино отправился на поиски Альберто Аскари. Мастерская по ремонту машин оказалась закрытой. Он оставил Аскари записку, сообщая, что намерен вернуться вечером, и пошел назад в «Каса Альпина».

Отец Ре внимательно выслушал рассказ Пино о том, как тот передвигался по скали-стому склону Гропперы, и о его решении не подниматься по северному амфитеатру.

Священник кивнул:

– Никто не хочет оказаться в горах, если не готов к этому. Но скоро ты будешь готов.

– Отец, я сегодня после занятий собираюсь в Мадезимо, проведу там ночь и повидаюсь с моим другом Альберто Аскари, – сказал Пино.

Отец Ре прищурился, и Пино напомнил ему, что в выходные, по их договоренности, он может делать, что ему угодно.

– Да, так я и сказал, – проговорил священник. – Иди развлекайся, отдыхай, но будь готов утром в понедельник отправиться в горы.

Пино прилег поспать, потом сел за учебники древней истории и математики, потом принялся читать книгу «Горные великаны» Луиджи Пиранделло. Шел шестой час, когда он в городских ботинках отправился вниз в Мадезимо. Каждый шаг доставлял ему невероятную боль, но он добрал до гостиницы, сообщил о себе, некоторое время рассказывал маленькому Никко истории о лыжных гонках, а потом отправился в дом к дядюшке Аскари.

Дверь ему открыл Альберто, поздоровался и пригласил на обед. Его тетушка была поваром получше, чем брат Бормио, а это значило немало. Дядюшка Аскарри любил поговорить о машинах, так что время прошло прекрасно. Пино наелся до отвала – чуть не уснул за десертом.

Аскарри и его дядюшка проводили Пино до гостиницы, где он скинул с себя ботинки, рухнул на кровать и уснул не раздеваясь.

4

Вскоре после рассвета его друг постучал в дверь.

– Ты что так рано? – спросил Пино, зевая. – Я еще собирался...

– Хочешь научиться водить или нет? Следующие два дня будут ясными – ни дождя, ни снега, так что я готов тебя поучить. Но за бензин платишь ты.

Пино обулся. Они наскоро позавтракали в столовой гостиницы, а потом отправились к «фиату» Аскарри. В течение следующих четырех часов они катались по дороге над Камподольчино, идущей к перевалу Шплюген и в сторону Швейцарии.

На этой петляющей дороге Альберто учил Пино, как следить за приборами, как приспособиться к дороге, подъемам и изменениям направления. Он показывал Пино, как с заносом проходить одни повороты и срезать углы на других, как управлять машиной, используя вместо тормозов двигатель и коробку передач.

Они ехали на север, пока не увидели немецкий пропускной пункт и швейцарскую границу за ним. Здесь они развернулись. По пути в Камподольчино их дважды останавливали немецкие патрули, спрашивали, что они делают на дороге.

– Я учу его водить машину, – сказал Аскарри, когда проверили их документы.

Немцам это не очень понравилось, но их отпустили.

Когда они вернулись в гостиницу, Пино пребывал в таком возбуждении, какого давно за собой не помнил. Какая красота – так водить машину! Какой прекрасный подарок он получил – возможность учиться у Альберто Аскарри, будущего чемпиона Европы!

Пино снова обедал у Аскарри, с удовольствием слушал разговор Альберто и его дядюшки о машинах. Затем они отправились в мастерскую и возились с «фиатом» Альберто чуть не до полуночи.

На следующее утро после ранней мессы они снова выехали на дорогу между Камподольчино и швейцарской границей. Аскарри показывал Пино, как с выгодой использовать спуски и подъемы и по возможности предугадывать дальнейший путь, выбирать оптимальную скорость.

На последнем участке к перевалу Пино слишком быстро проходил слепой поворот и чуть не врезался в немецкий автомобиль-внедорожник под названием «кюбельваген»⁶. Обе машины сманеврировали и ушли от столкновения, хотя и в последнюю секунду. Аскарри оглянулся.

– Они разворачиваются! – сказал Альберто. – Жми!

– Может, лучше остановиться?

– Ты ведь хотел гонки, да?

Пино утопил педаль газа. «Фиат» Аскарри имел двигатель мощнее, чем у любой армейской машины, и динамичность была выше, а потому немецкая машина исчезла из виду еще до того, как они выехали из городка Изола.

– Господи боже, вот это класс! – сказал Пино, чье сердце все еще бешено колотилось.

---

⁶ *Kübelwagen* (Volkswagen Typ 82) – германский автомобиль повышенной проходимости военного назначения, выпущенный с 1939 по 1945 г.

– Правда? – со смехом сказал Аскари. – Ничего у тебя не получилось.

Для Пино это прозвучало высшей похвалой; он в прекрасном настроении уходил в «Каса Альпина», пообещав вернуться в следующую пятницу. Подъем на Мотту был куда менее мучителен, чем спуск двумя днями ранее.

– Это хорошо, – сказал отец Ре, когда увидел мозоли, образующиеся на месте прежних волдырей.

И еще священника заинтересовал рассказ Пино о его уроках вождения.

– Сколько патрулей вы видели на дороге к перевалу Шплюген?

– Три, – сказал Пино.

– Но остановили вас только два?

– Третий попытался нас остановить, но не смог меня догнать.

– Не провоцируй их, Пино. Я говорю про немцев.

– Вы что имеете в виду?

– Я хочу, чтобы ты оставался незаметным, – сказал отец Ре. – А такая езда как раз делает тебя заметным, ты привлекаешь их внимание. Понимаешь?

Пино не понял – по крайней мере, не понял до конца, но он видел озабоченность в глазах священника и пообещал вести себя осторожнее.

На следующее утро отец Ре разбудил Пино задолго до рассвета.

– Еще один ясный день, – сказал он. – Хорошо для прогулки.

Пино застонал, оделся. Священник и завтрак ждали его в столовой. Отец Ре показал ему на карте хребет, который начинался в нескольких сотнях метров над «Каса Альпина» и, петляя, круто устремлялся к вершине Гропперы.

– Ты сможешь один или тебе понадобится проводник?

– Я был там как-то раз, – сказал Пино. – По-настоящему трудные участки вот здесь и здесь, а потом вот эта расщелина и эта узкая часть.

– Если ты доберешься до этой расщелины и решишь, что дальше тебе не по силам, то спускайся, – сказал отец Ре. – Развернись и спускайся. И возьми трость. В сарае их несколько. Верь в помощь Господа, Пино, но и сам не плошай.

Глава седьмая

1

Пино отправился в путь с рассветом и двинулся прямо в сторону Гропперы. Трость помогала ему – он воспользовался ею, когда пересекал узкую речушку, а потом когда направился на юго-восток к острому хребту. Оторванные много тысяч лет назад от горы скальные пласты делали дорогу труднопроходимой, и он двигался медленно, пока не добрался до начала горного хребта.

Здесь все тропинки заканчивались, под ногами была голая скальная порода да изредка попадались пучки травы или какой-нибудь живучий кустик. Поскольку обе стороны хребта отвесно уходили вниз, Пино понимал, что ошибку он себе не может позволить. В тот единственный раз, когда он поднимался по хребту, – два года назад, – с ним были четыре других парня и проводник – друг отца Ре из Мадезимо.

Пино пытался вспомнить, как они поднимались по ряду разбитых ступенчатых пролетов и опасных карнизов, устремляющихся к основанию пика высоко над ними. На несколько мгновений его обуяли сомнения и тревога при мысли о том, что он, возможно, выбрал неправильный маршрут, но он заставил себя успокоиться, поверить своему чутью, рассматривать каждый отрезок пути по мере прохождения, а потом оценить весь маршрут при спуске.

Наиболее опасным пока был выход на сам гребень. Отшлифованная ветрами и скругленная колонна высотой около двух метров находилась в основании хребта и казалась непреодолимой. Но с южной стороны имелись трещины и неровности. Пино швырнул вверх свою трость, услышал, как она упала со стуком. Потом, цепляясь пальцами за трещины и вставляя носки ботинок в узкие уступы, он стал подниматься к трости. И скоро он, тяжело дыша, уже лежал на остром гребне. Выждав минуту-другую, он взял трость и поднялся на ноги.

Пино продолжил подъем, его движения обрели ритм, глаза читали петляющую плоскость гребня перед ним, отыскивая на ней наиболее легкий путь. Час спустя ему пришлось преодолеть еще одно опасное место. Многие тысячи лет назад каменные плиты здесь раскололись, заблокировав путь наверх и оставив лишь неровную канавку. Она имела ширину меньше метра и такую же глубину и поднималась наверх извилистой расщелиной протяженностью от основания до карниза наверху почти восемь метров.

Пино постоял там несколько минут, чувствуя, как в нем нарастает тревога. Но прежде чем страх парализовал его, он услышал голос отца Ре, который советовал ему иметь веру в Бога, но и самому не плошать. Он развернулся на сто восемьдесят градусов, втиснулся в расщелину. Уперся в ее стенки руками и ногами. Теперь он смог карабкаться, имея одновременно три точки опоры, пока свободна рука, на большей высоте.

Поднявшись на шесть метров, он услышал клекот ястреба, выглянул из канавки, посмотрел вниз в направлении Мотты. Он теперь находился на сумасшедшей высоте, почувствовал приступ головокружения и чуть не потерял опору. Это испугало его до полусмерти. Он не мог позволить себе упасть. Падение означало гибель.

Имей веру.

Эта мысль подстегнула его, и он выбрался по расщелине на карниз, где вздохнул с облегчением и поблагодарил Бога за помощь. Когда силы вернулись к нему, он продолжил путь к юго-западному хребту. У хребта были отвесные склоны и узкая вершина – едва ли в метр шириной. Лавинные желоба вклинивались в оба склона хребта, ведущего к основанию скалистого пика Гропперы, который имел высоту около сорока метров и форму искривленного копья.

Пино лишь взглянул на устремленный в небо зубец. Он пытался разглядеть, где под основанием пика сходятся многочисленные бровки и ребра, а когда нашел то, что искал, сердце снова усиленно застучало в его груди. Он закрыл глаза, сказал себе, что должен успокоиться и поверить. Потом перекрестился и двинулся дальше; он чувствовал себя канатоходцем, проходя между двух лавинных желобов, и не осмеливался взглянуть ни направо, ни налево, смотрел только вперед – туда, где ширина гребня увеличивалась.

Дойдя до конца, Пино обхватил руками каменный блок, выступающий из стены, словно обнял друга после долгой разлуки. Когда он почувствовал, что может идти дальше, то принялся подниматься по блокам, которые имели неправильную форму – почти как перевернувшаяся стопка кирпичей, только устойчивая, неподвижная, и он относительно легко смог подняться выше. Через четыре с половиной часа после ухода из «Каса Альпина» Пино добрался до основания зубца. Он посмотрел направо и увидел стальной трос, вделанный в скалу и натянутый горизонтально вдоль зубца на высоте груди, над карнизом шириной около восемнадцати сантиметров.

Его подташнивало при мысли о том, что ему предстоит, но он сделал несколько глубоких вдохов, прогнал нарастающее нервное возбуждение и ухватился за провисший трос. Носок его правого ботинка нащупал узкий карниз. Он вспомнил, как перебирался по карнизу из окна своей спальни. Как только эта мысль пришла ему в голову, он крепко ухватился за трос и пошел вдоль основания зубца.

Пять минут спустя Пино добрался до вершины широкого горного хребта, обращенного на юго-восток и покрытого янтарными зарослями лишайника, мха, эдельвейсами и альпийской астрой. Он лежал на спине, тяжело дыша под жарким полуденным солнцем. Это восхождение ничуть не напоминало то, которое он совершал с проводником, тридцать раз ходившим этим маршрутом, знавшим, куда поставить ногу, где ухватиться рукой. Оно стало самым трудным в его жизни. Пино постоянно приходилось думать, оценивать ситуацию, полагаться на веру, и он понял, насколько это утомительно, насколько труден этот поход.

Пино выпил воды, задумался.

«Но я сделал это. Сам прошел трудным путем».

Счастливый, более уверенный в себе, он поблагодарил Бога за этот день и за еду, после чего проглотил сэндвич, приготовленный для него братом Бормио. Он с удовольствием обнаружил еще и штрудель. Ел его медленно, наслаждаясь каждым кусочком. Разве есть на свете что-нибудь вкуснее?

Пино сморил сон, он лег, закрыл глаза, понимая, что всё здесь: горы и небо, над которыми не властно время, – навсегда останется неизменным.

2

Его разбудил туман.

Пино посмотрел на часы, с удивлением осознал, что уже почти два. Собрались тучи. Пространство просматривалось не более чем на девяносто метров вниз по склону. Надев куртку, Пино пошел звериными и пастушьими тропами, направляясь на северо-восток. Час спустя он вышел на карниз вдоль дальней стороны северного амфитеатра Гропперы.

Ему потребовалось несколько попыток, чтобы найти тропинку, идущую по крутому внутреннему склону чаши, а потом серпантинном поднимавшуюся к тому месту, с которого он тремя днями ранее повернул назад. Он обернулся, оценил проделанный им путь. После всех преодоленных им опасностей увиденное не слишком поразило его.

Пино спустился по склону к Мадезимо, а потом вернулся к Мотте; к этому времени силы его были на исходе. Когда он добрался до «Каса Альпина», уже смеркалось. Отец Ре

ждал в холле перед столовой, где сидели за книгами ребята, а в воздухе стоял великолепный запах последнего творения брата Бормио.

– Ты поздно, – сказал отец Ре. – Я не хочу, чтобы ты оставался там ночью.

– Я тоже не хотел спускаться с горы в темноте, но путь неблизкий, отец, – сказал он. –

А подъем оказался труднее, чем мне помнилось.

– Но у тебя есть вера и ты можешь его повторить? – спросил священник.

Пино подумал о расщелине, об узком проходе между лавинными желобами, о тросе.

Он не хотел бы оказаться на этом маршруте еще раз, но сказал:

– Да.

– Хорошо, – сказал отец Ре. – Очень хорошо.

– Отец, для чего я это делаю?

Священник внимательно посмотрел на него, потом сказал:

– Я хочу, чтобы ты стал сильным. Ты можешь понадобится через месяц-другой.

Пино хотел спросить его, для каких дел он может понадобится, но отец Ре уже отвернулся от него.

Два дня спустя священник послал Пино в Валь-ди-Леи через Пассо-Анджелого. А еще через день Пино шел маршрутом на северный амфитеатр и поднимался по козьей тропе почти до самой кромки. На третий день он пошел трудным маршрутом, но к этому времени уверенность его была так велика, что он потратил на час меньше, чем прежде, чтобы дойти до лавинных желобов.

Хорошая погода продержалась всю неделю, включая выходные – два дня уроков вождения. Памятуя о предупреждении отца Ре, они с Аскари не выезжали на дорогу к перевалу Шплюген, а ездили по петлям серпантина вокруг Мадезимо.

Днем в воскресенье они встретились с двумя знакомыми девушками Аскари в Камподольчино. Одна из них – Титьяна – была подружкой Аскари, а другая – Фредерика – подружкой Титьяны. Она была ужасно застенчива и почти не смотрела на Пино, который хотел, чтобы она ему понравилась, но все время вспоминал Анну. Он понимал, что думать о ней – безумие. Он говорил с ней всего три минуты, а не видел вот уже почти четыре месяца. К тому же она не пришла к нему на свидание. Она стала его навязчивой фантазией, историей, которую он рассказывал себе, когда чувствовал одиночество или неуверенность в будущем.

Когда в первую неделю октября 1943 года Пино вернулся в «Каса Альпина» после трех дней трудных восхождений, его одолевали усталость и голод. Он съел две миски спагетти-бормио, выпил несколько кружек воды и только после этого смог поднять голову и оглядеть столовую.

Все ребята сидели на своих местах. Миммо начальствовал над ними по другую сторону стола. А отец Ре развлекал гостей – двоих мужчин и женщину. У мужчины помоложе были соломенные волосы. Его рука лежала на плече женщины с бледной кожей и темными озабоченными глазами. На усатом мужчине постарше был костюм без галстука, он курил. Он много кашлял, его пальцы тихонько постукивали по столешнице, когда говорил священник.

Пино сонно подумал, кто бы это мог быть. В конечном счете в «Каса Альпина» нередко заглядывали гости. Часто приезжали родители. Альпинисты искали здесь прибежище во время метелей. Но эти трое не походили на альпинистов. На них была городская одежда.

Пино отчаянно хотелось спать, но он знал, что должен сначала поговорить с отцом Ре. Он пытался собраться с силами и сидел за книгами, когда пришел священник и сказал:

– Ты заслужил день отдыха завтра. Сегодня можешь оставить занятия. Договорились?

Пино улыбнулся и кивнул. Он не помнил, как добрался до кушетки, как лег.

3

Когда он наконец проснулся, стоял день, в окно в конце коридора заглядывало солнце. Миммо не было. Других мальчиков тоже. Войдя в столовую, Пино никого там не увидел, кроме тех троих гостей, которые в другом конце комнаты о чем-то оживленно переговаривались шепотом.

– Мы больше не можем ждать, – говорил молодой мужчина. – Все становится только хуже. Пятьдесят человек в Мейне! Мы сейчас говорим, а они проводят рейды в Риме.

– Но ты сказал, что мы в безопасности, – взволнованно проговорила женщина.

– Здесь мы в безопасности, – сказал он. – Отец Ре – хороший человек.

– Но надолго ли? – спросил тот, что постарше, закуривая новую сигарету.

Женщина увидела, что Пино смотрит в их сторону, дала знак мужчинам, и они замолчали. Брат Бормио принес Пино кофе, хлеб и салями. Гости ушли из столовой, и он почти не вспоминал о них весь день, который провел у огня за книгой.

Когда Миммо и остальные ребята вернулись с долгой прогулки, уже почти подошло время обеда, и Пино чувствовал себя не только отдохнувшим, но и в отличной физической форме, в какой еще никогда не был. При таких нагрузках и немалом количестве кулинарных творений брата Бормио, которые поглощал Пино, он каждый день прибавлял в весе и укреплял мышцы.

– Пино, – позвал отец Ре, когда Миммо и другие мальчики расставили тарелки и приборы на длинном столе.

Пино отложил в сторону книгу и поднялся со стула:

– Да, отец?

– После десерта зайди ко мне в часовню.

Пино пребывал в недоумении. Часовня редко использовалась для чего бы то ни было, если не считать небольшого воскресного богослужения, обычно на рассвете. Но он подавил свое любопытство, сел за стол, шутил с Миммо и другими ребятами, а потом увлек их рассказом об опасностях трудного пути на Гропперу.

– Один неверный шаг – и все кончено, – сказал он.

– Я бы смог, – хвастливо ответил Миммо.

– Начни делать приседания, отжимания и подтягивания, и ты наверняка сможешь.

Этот вызов воодушевил Миммо, и Пино не сомневался: теперь его брат станет фанатом физических упражнений.

Убрали посуду, и Миммо спросил Пино, не хочет ли он поиграть в карты. Пино отказался – его ждал в часовне отец Ре.

– А зачем? – спросил Миммо.

– Вот там и узнаю, – сказал Пино, беря шерстяную шапочку с вешалки у двери. Он надел ее и вышел в темноту.

4

Температура упала ниже точки замерзания воды. С неба светила четвертушка луны, сверкали, как фейерверк, звезды. Северный ветер в преддверии зимы покусывал Пино за щеки, пока он шел к часовне, расположенной за хвойной рощицей на краю плато.

Он нащупал ручку двери и вошел в часовню, где горели четыре свечи. Отец Ре стоял коленями на скамеечке и молился, склонив голову. Пино тихонько закрыл дверь часовни и сел. Несколько секунд спустя священник перекрестился, поднялся, опираясь на посох, подошел, прихрамывая, к Пино и сел рядом.

– Как ты думаешь, ты смог бы пройти большую часть маршрута до Валь-ди-Леи в темноте? – спросил отец Ре. – Только при свете луны?

Пино подумал и сказал:

– Не по амфитеатру, но до него, пожалуй, смог бы.

– И сколько на это потребуется времени?

– Может быть, лишний час. А что?

Отец Ре глубоко вздохнул и сказал:

– Я молился о том, чтобы получить ответ на этот вопрос, Пино. Как бы я хотел, чтобы ты оставался в неведении, чтобы не возникало осложнений, чтобы ты сосредоточился на своих занятиях, и ничего более. Но Господь не делает жизнь простой. Мы не можем молчать. Мы не можем бездействовать.

Пино пребывал в недоумении.

– Я не понимаю, отец.

– Три человека, которых ты видел за обедом сегодня. Ты говорил с ними?

– Нет, – ответил Пино. – Только слышал, как они говорили что-то о Мейне.

Отец Ре помрачнел, на его лице появилось скорбное выражение.

– Две недели назад в одном из отелей в Мейне прятались более пятидесяти евреев. Полковник Рауфф, шеф миланского гестапо, послал туда эсэсовцев. Те нашли евреев, связали их и сбросили в озеро Маджиоре, а для надежности открыли по ним огонь из автоматов.

Пино почувствовал, как у него желудок завязывается узлом.

– Как? За что?

– За то, что они евреи.

Пино знал, что Гитлер ненавидит евреев. Он даже знал итальянцев, которые не любили евреев и говорили о них с пренебрежением. Но чтобы хладнокровно их убивать? Из-за их религии? Это было хуже любого варварства.

– Я не понимаю.

– И я тоже не понимаю, Пино. Но сейчас ясно одно: евреям в Италии грозит смертельная опасность. Я сегодня утром говорил об этом по телефону с кардиналом Шустером.

Кардинал рассказал отцу Ре, что после бойни в Мейне нацисты потребовали у евреев, проживающих в римском гетто, собрать за тридцать шесть часов пятьдесят килограммов золота, обещая им за это безопасность. Евреи собрали золото – свое и то, что дали им многие католики. Но, получив золото, немцы совершили налет на синагогу и нашли там список всех римских евреев.

Священник замолчал, его лицо исказила гримаса боли.

– Кардинал Шустер говорит, что немцы перевели сюда специальную эсэсовскую команду, которая будет вылавливать евреев по этому списку.

– И зачем? – спросил Пино.

– Чтобы убить. Всех.

До этой минуты Пино и представить себе такого не мог в худших своих фантазиях.

– Это... зло.

– Да, – подтвердил отец Ре.

– А откуда кардиналу Шустеру известно обо всем этом?

– От папы, – ответил отец Ре. – Его святейшество сообщил кардиналу Шустеру, что ему об этом сказал немецкий посол в Ватикане.

– И папа не может это остановить? Сообщить всему миру?

Отец Ре опустил взгляд, сжал руки так, что побелели костяшки пальцев.

– Его святейшество, Ватикан окружены танками и войсками СС. Если папа заговорит сейчас, для него это будет равносильно самоубийству, а за этим последуют вторжение и уничтожение Ватикана. Но он втайне сообщил об этом своим кардиналам. Через них он отдал

всем католикам Италии словесный приказ открывать свои двери тем, кто ищет убежища от нацистов. Мы, если у нас есть такая возможность, должны прятать евреев и способствовать их бегству.

Пино почувствовал, как учащенно забилось его сердце.

– Бегству куда?

Отец Ре поднял взгляд:

– Ты когда-нибудь доходил до дальнего конца Валь-ди-Леи по другую сторону Гропперы, за озером?

– Нет.

– Там есть треугольник густого леса, – сказал священник. – На первых двух сотнях метров в этом треугольнике деревья и земля принадлежат Италии. Но потом итальянские владения сужаются, и ты оказываешься на нейтральной швейцарской земле, в безопасности.

Теперь испытания последних двух недель предстали перед Пино в ином свете, он почувствовал прилив сил, осознав важность миссии, которую ему поручили.

– Вы хотите, чтобы я стал их проводником, отец? – спросил Пино. – Этих трех евреев?

– Трех возлюбленных чад Господа, – сказал отец Ре. – Ты сможешь им?

– Конечно. Да.

Священник положил руку на плечо Пино:

– Я хочу, чтобы ты понимал: ты будешь рисковать жизнью. По новым немецким правилам помощь евреям рассматривается как измена и карается смертной казнью. Если тебя поймут, то велика вероятность, что убьют.

Пино, потрясенный, проглотил комок в горле, но посмотрел на отца Ре и сказал:

– Разве вы не рискуете жизнью, принимая их в «Каса Альпина»?

– И жизнями мальчиков, – сказал священник с трагизмом в голосе. – Но мы должны помогать людям, спасающимся от немцев. Так считает папа. Так считает кардинал Шустер. И я.

– И я, отец, – сказал Пино; эмоции захлестнули его, как никогда прежде, он словно собирался исправить страшное зло, пришедшее в мир.

– Хорошо, – сказал отец Ре. Глаза его блестели. – Я верю, что ты хочешь помочь.

– Хочу, – сказал Пино, проникаясь еще большей уверенностью. – Мне тогда лучше пойти спать.

– Я тебя разбужу в четверть третьего. В половине третьего брат Бормио покормит тебя. В три вы покинете «Каса Альпина».

Пино вышел из часовни. Он чувствовал, что вошел в нее мальчиком, а вышел, приняв решение, мужчиной. Его пугало наказание за помощь евреям, но он все равно горел желанием помочь им.

Он постоял перед «Каса Альпина», прежде чем войти, посмотрел на северо-восток, на склон Гропперы, проникаясь осознанием того, что на нем теперь лежит ответственность за три человеческие жизни. Молодая пара. Курильщик. Успех последнего этапа их побега зависит от него.

Пино посмотрел за массивные очертания Гропперы на фоне звездного неба и в черную пустоту за ней.

– Господи, помоги мне, – прошептал он.

Глава восьмая

1

Пино проснулся и оделся за десять минут до прихода отца Ре. Брат Бормио приготовил овсянку с кедровыми орешками и сахаром, подал вяленое мясо и сыры. Курильщик и молодая пара уже ели, когда подошел отец Ре и положил руки на плечи Пино.

– Это ваш проводник, – сказал священник. – Его зовут Пино. Он знает дорогу.

– Такой молодой, – сказал курильщик. – Нет никого постарше?

– Пино очень опытный и хорошо знает горы, а в особенности эту гору, – сказал отец Ре. – Я уверен, он выведет вас туда, куда вам надо. Или вы можете поискать другого проводника. Но должен вас предупредить: попадают такие, которые могут взять у вас деньги, а потом сдать нацистам. Нас здесь интересует только одно: чтобы вы нашли безопасную гавань.

– Мы пойдем с Пино, – сказал молодой.

Женщина кивнула.

Тот, что постарше, курильщик, все еще сомневался.

– Как вас зовут? – спросил Пино, пожимая руку младшему.

– Называйте те имена, что вам дали, – сказал отец Ре. – Те, что в ваших бумагах.

– Мария, – сказала женщина.

– Рикардо, – представился ее муж.

– Луиджи, – сказал курильщик.

Пино сел есть вместе с ними. «Мария» была любезна и забавна. «Рикардо» работал учителем в Генуе. «Луиджи» продавал сигары в Риме. В какой-то момент Пино заглянул под стол и увидел, что, хотя специальных ботинок ни на ком из них не было, их обувь казалась достаточно прочной.

– Дорога опасная? – спросила Мария.

– Делайте то, что я вам буду говорить, и все будет в порядке, – сказал Пино. – Пять минут?

Они кивнули. Он встал, собрал тарелки, отнес их отцу Ре и сказал тихим голосом:

– Отец, не проще ли будет, если я поведу их в Валь-ди-Леи через Пассо-Анджелого?

– Это было бы проще, – сказал отец Ре. – Но мы пользовались этим маршрутом несколько недель назад, и я не хочу привлекать внимания.

– Не понимаю, – сказал Пино. – Кто пользовался?

– Джованни Барбарески, семинарист, – ответил отец Ре. – Перед твоим приездом из Милана здесь была другая пара, с дочерью, – они пытались бежать. Мы с Барбарески составили план. Он повел семью и двадцать мальчиков, включая Миммо, в дальний поход через Пассо-Анджелого на Валь-ди-Леи. У них был пикник между дальней стороной озера и лесом. В поход отправились двадцать четыре человека, вернулся двадцать один.

– Никто не должен заметить разницы, – понимающе сказал Пино. – В особенности если видел их издалека.

Отец Ре кивнул:

– Именно на это и был расчет, но посылать такие большие группы, особенно в преддверии зимы, неразумно.

– Чем меньше, тем лучше, – сказал Пино и оглянулся через плечо. – Отец, я сделаю все возможное, чтобы нас никто не заметил, но есть несколько мест, где не будет никакого укрытия.

– Включая и всю протяженность Валь-ди-Леи, что особенно опасно для тебя, потому что возвращаться ты будешь по открытому пространству. Но пока немцы патрулируют только дороги и не ведут наблюдений за границей с воздуха, опасаться тебе нечего.

Отец Ре удивил Пино, обняв его.

– Иди, Господь будет с тобою на каждом шаге твоего пути.

Брат Бормио помог Пино надеть рюкзак. Четыре литра воды. Четыре литра сладкого чая. Еда. Веревка. Карта. Куртка. Шерстяной свитер и шапочка. Спички и растопка, чтобы развести огонь в маленькой металлической канистре. Нож. Топорик.

Этот груз тянул на двадцать, может быть, двадцать пять килограммов, но Пино ходил в горы с грузом на спине с первого дня в «Каса Альпина». Особых неудобств он не испытывал и полагал, что отец Ре к этому и стремился. Конечно стремился – ведь священник планировал это не одну неделю.

– Идем, – сказал Пино.

2

Четверо вышли в прохладную осеннюю ночь. Небо было кристально чистым, луна все еще стояла высоко на юге, освещая западный склон Гропперы. Пино повел их сначала вниз, по гужевой дороге, чтобы на них не падал свет газовой лампы у школы. Потом он остановился, чтобы их глаза привыкли к темноте.

– Мы теперь будем говорить только шепотом, – тихим голосом сказал Пино и показал на гору. – Там есть места, где эхо распространяется далеко-далеко, поэтому мы будем вести себя тихо, как мыши.

Он увидел, что они кивнули. Луиджи чиркнул спичкой и закурил сигарету.

Пино огорчился, но тут же понял, что должен взять бразды правления в свои руки. Он подошел к курильщику и прошипел:

– Немедленно погасите. Любое пламя видно за сотни метров, а в бинокль – и еще дальше.

– Мне необходимо курить, – сказал Луиджи. – Это меня успокаивает.

– Только с моего разрешения. Или вы пойдете назад искать другого проводника, а я поведу только двоих.

Луиджи сделал последнюю затяжку, уронил окурок и затоптал его.

– Ведите, – проговорил он с неприязнью.

Пино сказал, что они должны полагаться на свое периферийное зрение, и повел их по тускло освещенному плато на север. Они обходили основание склона, пока плато не сузилось до козырька шириной около пятидесяти сантиметров над отвесными скалами. Он достал веревку, сделал на ней четыре поясные петли через каждые три метра.

– Но и с веревкой я прошу вас держаться правой рукой за стену или кусты, которые на ней растут, – сказал Пино. – Если нащупаете что-то, за что можно ухватиться, попробуйте, насколько прочно оно укоренилось, выдержит ли вас. Но лучше всего ставьте ноги и руки туда же, куда и я. Я понимаю, сейчас темно, но по силуэту вам будет видно, что я делаю.

– Я пойду за вами, – сказал Рикардо. – Мария, ты за мной.

– Ты уверен? – спросила Мария. – Пино?

– Рикардо, вашей жене будет легче, если вы пойдете за ней. Мария пойдет третьей, а следом за мной – Луиджи.

Это не понравилось Рикардо. Он возвысил голос:

– Но я...

– Так безопаснее для нее и для всех нас – самые сильные в начале и в конце, – гнул свое Пино. – Или вы знаете об этих горах и альпинизме больше, чем я?

– Делай, что он говорит, – сказала Мария. – Сильнейшие в начале и в конце.

Пино чувствовал, что Рикардо в затруднении, он раздражен из-за того, что им командует семнадцатилетний мальчишка, но в то же время польщен тем, что его назвали сильнейшим.

– Хорошо, – сказал он. – Буду якорем.

– Perfetto⁷, – сказал Пино, когда все надели на себя поясные петли.

Он приложил правую руку в перчатке к скальной стене, и они двинулись дальше. Хотя козырек был по большей части достаточно широк, Пино представлял себе, что дорожка на пятнадцать сантиметров уже, и жался к стене. Сорваться с козырька – вот худшее, что могло случиться с кем-нибудь из них. Если повезет, то массы трех остальных должно хватить, чтобы удержаться на карнизе. А если не повезет, то первый потянет за собой второго, а потом третьего. Крутизна склона под ними составляла почти сорок градусов. Острые камни и альпийские кусты искалечат их, если они свалятся вниз.

Он вел их кошачьим шагом, осторожно, крадучись, легко и уверенно. Почти час они шли без всяких приключений, пока не оказались приблизительно над Мадезимо, и тут Луиджи начал кашлять и плевать. Пино был вынужден остановиться.

– Синьор, – прошептал он. – Я знаю, вы ничего не можете с этим поделать, но кашляйте в рукав, если не можете сдержаться. Деревня прямо под нами, и мы не можем допустить, чтобы нас слышали не те уши.

Торговец сигарами проговорил:

– Сколько еще?

– Расстояние не имеет значения. Думайте о вашем следующем шаге.

Они прошли еще пятьсот метров, склоны стали менее крутыми, а карниз шире.

– Худшее уже позади? – спросил Луиджи.

– Пока было лучшее, – ответил Пино.

– Что? – в тревоге воскликнула Мария.

– Я шучу, – ответил Пино. – Это был худший участок.

3

К рассвету они поднимались по альпийским лугам высоко над Мадезимо. Альпийская трава, напоминавшая прежде Пино волосы Анны, теперь осталась без семян и умирала. Пино оглянулся, посмотрел на неровные вершины за долиной с другой стороны. Подумал, нет ли там в горах немецких солдат, которые с биноклями наблюдают за склоном Гропперы. Пино считал это маловероятным, но повел тройку беженцев к краю лугов, где они могли подняться под прикрытием деревьев и редких кустов можжевельника, за которыми, впрочем, едва ли можно было укрыться.

– Нам теперь нужно идти быстрее, – сказал он. – Когда солнце будет за пиком, тени в чаше нам помогут. Но вскоре солнце будет освещать нас.

Направляясь в чашу северного амфитеатра, Рикардо и Мария не отставали от Пино. Курильщик Луиджи плелся сзади, пот катился по его лицу, грудь его вздымалась. Пино пришлось дважды возвращаться к нему, когда они шли по полю, усеянному валунами, принесенными ледником и завалившими древний путь к задней стене чаши.

Пино и молодая пара сели передохнуть в ожидании торговца сигарами. Когда он лег рядом с Пино на плоский валун и застонал, Пино ощутил резкий табачный запах.

---

⁷ Отлично (*um.*).

Пино достал сладкий чай, вяленое мясо и хлеб. Луиджи проглотил свою порцию. Молодые супруги тоже поели. Пино дождался, когда они закончат, потом поел и попил, но меньше, чем его спутники. Ему еще нужно было перекусить на обратном пути.

– Куда теперь? – спросил Луиджи, словно только теперь увидел, где находится.

Пино показал на козью тропу, которая зигзагами уходила вверх по склону. У Луиджи челюсть отвисла.

– Мне этого не осилить.

– Осилите, – сказал Пино. – Делайте то, что буду делать я.

Луиджи всплеснул руками:

– Нет, я не могу. Я не пойду туда. Оставьте меня здесь. Смерть настигнет меня рано или поздно, что бы я ни делал, пытаюсь ее предотвратить.

Несколько секунд Пино не знал, что ему делать. Наконец он спросил:

– Кто сказал, что вы умрете?

– Немцы, – ответил курильщик, закашлявшись. Потом он показал на тропинку. – А эта тропинка говорит мне, что Господь желает моей смерти скорее рано, чем поздно. Но я не пойду туда, чтобы свалиться вниз и в последние мгновения жизни лететь по этим камням. Я сяду здесь, буду курить и ждать смерти. Это место меня устраивает.

– Нет, вы пойдете с нами, – сказал Пино.

– Я остаюсь, – непреклонно сказал Луиджи.

Пино проглотил комок в горле и сказал:

– Отец Ре велел мне довести вас до Валь-ди-Леи. Ему не понравится, если он узнает, что я оставил вас. Поэтому вы пойдете. Со мной.

– Ты не сможешь заставить меня, мальчик, – сказал Луиджи.

– Вы заблуждаетесь – смогу, – сердито сказал Пино и быстро подошел к Луиджи. – И сделаю это.

Он наклонился над курильщиком, глаза которого широко раскрылись. Даже в свои семнадцать Пино был гораздо крупнее Луиджи. Он видел на лице торговца сигарами страх, когда тот снова оглядел крутую стену амфитеатра.

– Неужели ты не понимаешь? – сказал он устало. – Я просто не могу. Я не верю, что мне это по силам...

– Но я верю, – сказал Пино, стараясь говорить грозным голосом.

– Прошу тебя.

– Нет, – сказал Пино. – Я обещаю, что вы преодолеете подъем и окажетесь в Валь-ди-Леи, даже если для этого мне придется вас нести.

Решительное выражение лица Пино, казалось, убедило Луиджи. Дрожащими губами он пробормотал:

– Обещаешь?

– Обещаю, – сказал Пино и пожал Луиджи руку.

Ему пришлось снова обвязать их веревкой в прежнем порядке: за ним Луиджи, потом Мария, потом ее муж.

– Ты уверен, что я не упаду? – спросил продавец сигар. – Я в жизни ничего похожего не делал. Я... всегда жил в Риме.

– Но ведь вы ходили по римским руинам? – сказал Пино.

– Да, но...

– По крутым узким ступеням Колизея?

Луиджи кивнул:

– Много раз.

– Это ничуть не труднее.

– Труднее.

– Нет, – возразил Пино. – Представьте себе, что вы в Колизее, ходите туда-сюда по ступенькам между рядами. Все будет в порядке.

Луиджи, казалось, все еще одолевали сомнения, но он не стал противиться, когда Пино двинулся по первому отрезку. Пино на ходу переговаривался с курильщиком, говорил, что позволит ему выкурить две сигареты, когда они доберутся до вершины, и советовал постоянно прикасаться пальцами к склону.

– Не спешите, – сказал он. – Смотрите перед собой, а не вниз.

Когда склон стал почти отвесным, Пино отвлекал Луиджи историей о том, как он с братом пережил первую бомбардировку в Милане и как, вернувшись домой, они обнаружили, что там играет музыка.

– Твой отец мудрый человек, – сказал торговец сигарами. – Музыка. Вино. Сигара. Маленькие радости жизни – вот что помогает нам выжить, когда разум отказывается принимать происходящее.

– Кажется, вы много размышляете в вашем магазине, – сказал Пино, отирая пот с глаз.

Луиджи рассмеялся.

– Много размышляю. Много говорю. Много читаю. Это... – Радость ушла из его голоса. – Это был мой дом.

4

Они уже достигли верха стены амфитеатра, и теперь их ждал самый трудный участок восхождения, когда нужно было пройти по V-образной расщелине с резким поворотом на два метра вправо, потом с таким же резким поворотом на три метра влево. Трудность тут была скорее психологическая, потому что карниз в расщелине был достаточной ширины. Но тридцатиметровая высота, если смотреть вниз слишком долго, могла поколебать уверенность даже опытного альпиниста.

Пино решил не предупреждать их, он продолжил разговор с торговцем:

– Расскажите о вашем магазине.

– Превосходный был магазин, – сказал Луиджи. – Рядом с площадью Испании, у основания Испанской лестницы. Знаешь этот район?

– Я был на Испанской лестнице, – сказал Пино, радуясь тому, что Луиджи без колебаний последовал за ним. – Отличный район, много хороших магазинов.

– Замечательное место для бизнеса, – сказал Луиджи.

Пино уже шел по второму отрезку V-образного поворота. Они с торговцем теперь двигались по противоположным сторонам расщелины. Если Луиджи посмотрит вниз, то непременно сейчас. И Пино, увидев, что Луиджи поворачивает голову, чтобы посмотреть себе под ноги, сказал:

– Опишите мне ваш магазин.

Взгляд Луиджи обратился к Пино.

– Полированные полы и прилавки, – сказал он, усмехаясь и легко преодолевая поворот. – Мягкие кожаные кресла. И восьмиугольный хьюмидор⁸ – мы с моей покойной женой сами его спроектировали.

– Наверняка там стоял хороший запах.

---

⁸ *Хьюмидор* (от *лат. humidus* – влажный) – ящик, шкапулка (реже шкаф или комната) для хранения сигар, с постоянным приспособлением для поддержания влажности воздуха ок. 70 % (в самом простом варианте это емкость с водой и смоченная губка).

– Самый лучший. Мне поставляли сигары и табак со всего света. И сушеную лаванду, мяту и Сен-Сен⁹. И великолепный бренди для моих лучших клиентов. Сколько у меня было хороших и преданных клиентов! По большому счету они были моими друзьями. До недавнего времени магазин был чем-то вроде клуба. Даже поганые немцы заходили ко мне.

Они уже преодолели расщелину и теперь снова поднимались по диагонали к кромке хребта.

– Расскажите мне о вашей жене, – сказал Пино.

Последовала короткая пауза, Пино ощутил, как натянулась веревка. Наконец Луиджи сказал:

– Я не знал таких красавиц, как моя Руфь. Мы познакомились, когда нам было по двенадцать. Я так никогда и не узнаю, почему она выбрала меня. Как выяснилось, детей у нас не могло быть, но мы прожили двадцать прекрасных лет, а потом она заболела. Слабела с каждым днем. Доктора сказали, что у нее перестала работать пищеварительная система, и в конечном счете она умерла от отравления.

Пино с болью вспомнил о синьоре Белтрамини – как там она, подумал он, как Карлетто, как его отец?

– Прискорбно, – сказал Пино, поднимаясь на кромку.

– Уже шесть лет прошло, – сказал Луиджи.

Пино помог забраться наверх ему, а потом супружеской паре. Затем хлопнул торговца сигарами по спине и сказал:

– Ну, что я вам говорил? Мы на вершине.

– Что? – сказал Луиджи, недоуменно оглядываясь. – Уже?

– Уже, – ответил Пино.

– Да, не так уж и страшно, – сказал Луиджи и с облегчением посмотрел на небо.

– Я же вам говорил. Пройдем еще немного, а там отдохнем. Я хочу сначала показать вам кое-что.

Он провел их в то место, откуда они могли увидеть противоположный склон Гропперы.

– Добро пожаловать в Валь-ди-Леи, – сказал он.

Склон альпийской долины был совсем не так крут, как склон горы, и покрыт низким из-за горных ветров кустарником, листья на котором обретали уже цвета ржавчины, оранжевый и желтый. В дальней от них части долины они видели озеро. Менее чем две сотни метров в ширину и, вероятно, восемьсот метров в длину – альпийское озеро, вытянутое с севера на юг к треугольнику леса, о котором говорил отец Ре.

Обычно поверхность озера отливала серебристой голубизной, но в тот день оно отражало пламенеющие цвета осени. За озером поднималась стена, далеко уходящая на юг к Пассо-Анджелого и каменной пирамиде, у которой Пино повернул назад во время первого своего похода. Они двинулись вниз по звериной тропе, проходившей вдоль ручейка, питавшегося от ледника на высоких вершинах.

«Я сделал это, – думал Пино, чувствуя себя счастливым и довольным. – Они слушались меня, и я провел их через Гропперу».

– В жизни не видела ничего красивее, – сказала Мария, когда они добрались до озера. – Просто невероятно. Ощущение...

– Свободы, – сказал Рикардо.

– Момент, которым нужно насладиться, – сказал Луиджи.

– Мы уже в Швейцарии? – спросила Мария.

– Почти, – ответил Пино. – Мы доберемся вон до того леска, а там граница совсем рядом.

---

⁹ Сен-Сен – освежитель дыхания, поставлявшийся на рынок с конца XIX в. как «дыхательный парфюм».

Пино никогда не заходил дальше озера, поэтому вошел в лес не без опаски. Но он помнил слова отца Ре о том, как найти тропинку, и вскоре обнаружил ее.

Густая хвойная роща напоминала лабиринт. Воздух здесь был прохладнее, земля – мягче. Они пробыли в пути уже почти шесть с половиной часов, но никто не выглядел усталым.

Сердце Пино начинало биться быстрее, когда он думал о том, что вывел этих людей в Швейцарию. Он помог им избежать...

Из-за дерева в трех метрах впереди вышел крупный бородатый человек и прицелился из двустволки в лицо Пино.

Глава девятая

1

Пино в ужасе вскинул руки. Как и трое его подопечных.

– Прошу вас... – начал Пино.

Человек, не опуская ружья, прорычал:

– Кто вас прислал?

– Отец, – пробормотал Пино. – Отец Ре.

Прошла, казалось, вечность, прежде чем человек, внимательно осмотрев всех, опустил ружье.

– Такие уж дни настали – мы должны быть осторожны.

Пино опустил руки. Он почувствовал тошноту, слабость в ногах. Холодный пот выступил на спине. Никогда прежде он не стоял под дулом ружья.

– Вы поможете нам, синьор?.. – спросил Луиджи.

– Меня зовут Бергстром, – сказал человек. – Дальше вас поведу я.

– Куда? – озабоченно спросила Мария.

– Через перевал Эмет в швейцарскую деревню Иннерферрера, – сказал Бергстром. – Вы в безопасности, а там мы подумаем, куда отправить вас дальше. – Бергстром кивнул Пино. – Мой привет отцу Ре.

– Непременно передам, – пообещал Пино, потом повернулся к своим подопечным. – Удачи вам.

Мария обняла его. Рикардо пожал ему руку. Луиджи вытащил из кармана маленькую металлическую трубку с винтовым колпачком. Протянул ее Пино.

– Кубинская, – сказал он.

– Я не могу ее взять.

Луиджи посмотрел на него обиженно:

– Ты думаешь, я не знаю, как ты провел меня по последнему отрезку? Такую отличную сигару редко встретишь, и я отдаю ее не с легким сердцем.

– Спасибо, синьор, – сказал Пино. Он улыбнулся и взял сигару.

Бергстром сказал Пино:

– Залог твоей безопасности – невидимость. Будешь выходить из леса – сначала осмотришь. Огляди склоны и долину, прежде чем идти дальше.

– Непременно.

– Ну, мы уходим, – сказал Бергстром и развернулся.

Луиджи похлопал Пино по спине и пошел за Бергстромом. Рикардо улыбнулся ему. Мария сказала:

– Желаю счастья, Пино.

– И вам тоже.

– Надеюсь, подъемов больше не будет, – услышал Пино слова Луиджи, обращенные к Бергstromу, когда они исчезали за деревьями.

– Спускаться – это вам не подниматься, – ответил Бергстром.

После этого до Пино доносились только хруст веток под ногами или звук падения камня, а потом и это стихло, лишь ветер шелестел в елях. Хотя и переполненный радостью, Пино вдруг странным образом и очень остро испытал чувство одиночества, когда развернулся и пошел в сторону Италии.

Пино сделал все, как советовал ему Бергстром. Он остановился, не выходя из леса, оглядел долину, склоны над ней. Убедившись, что там никого нет, вышел из леса. Его часы показывали почти полдень. Он был в пути уже девять часов и очень устал.

Отец Ре предвидел его усталость и советовал не пытаться вернуться в тот же день. Он советовал ему идти на юго-запад в старую пастушью лачугу, несколько таких было в горах, и провести ночь там. В этом случае Пино вернулся бы в «Каса Альпина» следующим утром.

Пино шел на юг по Валь-ди-Леи и чувствовал себя прекрасно. Они сделали это. Отец Ре и все остальные, которые помогали беженцам добраться до «Каса Альпина». Их команда сегодня спасла троих людей от смерти. Они тайно сражались с нацистами и победили.

К удивлению Пино, переполнявшие его эмоции добавили ему сил, освежили его. Он решил не оставаться в хижине на ночь, а добраться до Мадезимо, переночевать в гостинице и повидаться с Альберто Аскари. Уже у самого хребта Пино остановился, чтобы дать отдых ногам и перекусить.

2

Покончив с едой, он оглянулся на Валь-ди-Леи и увидел четыре крохотные фигурки,двигающиеся на юг вдоль скал над озером. Пино приставил ко лбу руку, сложенную козырьком. Поначалу он ничего не разглядел, потом увидел, что они все вооружены.

Тошнотворный клубок завязался у него в желудке. Неужели они заметили, как он зашел в лес с тремя людьми, а вышел один? Немцы ли это? Почему они оказались здесь – среди этого безлюдья?

У Пино не было ответов на эти вопросы, и они продолжали беспокоить его и тогда, когда четверо людей исчезли из виду. В деревню он пришел около четырех часов. Недалеко от гостиницы играла группа мальчишек, включая и его маленького друга Никко, сына хозяина. Пино собирался войти в гостиницу и спросить про комнату, когда увидел спешащего к нему и явно расстроенного Альберто Аскари.

– Сюда вечером приходила группа партизан, – сказал Аскари. – Они сказали, что борются с немцами, но спрашивали о евреях.

– О евреях? – переспросил Пино и отвернулся. Никко присел в высокой траве и подобрал что-то, похожее на большое яйцо. – И что вы им сказали?

– Сказали, что нет здесь евреев. Почему, ты думаешь, они...

Никко поднял яйцо, чтобы показать друзьям. За долю секунды до того, как сила взрыва ударила Пино, словно мул копытом, яйцо сверкнуло пламенем.

Он чуть не упал, но с трудом сохранил равновесие, хотя и чувствовал себя дезориентированным и толком не понимал, что произошло. В ушах у него звенело, он слышал ребячьи крики. Пино бросился к ним. Те ребята, что находились рядом с Никко, теперь лежали на земле. Одному оторвало руку. У другого на месте глаз были кровавые впадины. Часть лица Никко и большая часть правой руки отсутствовали. Из его тела кровь била фонтаном.

Пино в панике подобрал Никко, увидел, как закатились глаза мальчика, и бросился к гостинице навстречу отцу и матери, которые выскочили из дверей. У мальчика начались судороги.

– Нет! – закричала мать. Она взяла сына на руки. Тело опять забилося в конвульсиях, а потом обмякло на ее руках. – Нет! Никко! Никко!

Оцепенев от ужаса, Пино смотрел, как рыдающая мать Никко опустилась на колени, положила на землю мертвое тело сына и накрыла его своим, словно склонилась над его люлькой, когда он был младенцем. Пино долго стоял там в онемении перед этим зрелищем скорби. Опустив взгляд, он заметил, что его одежда в крови. Оглянулся, увидел жителей

деревни, которые бросились к другим детям, хозяин гостиницы пустыми глазами смотрел на жену и мертвого сына.

– Простите. Я не смог его спасти, – пробормотал Пино.

– Это не твоя вина, Пино, – ровным голосом проговорил синьор Конте. – Видимо, партизаны, приходившие прошлым вечером... Но кто бы стал оставлять гранату там, где?.. – Он помотал головой. – Ты можешь позвать отца Ре? Отпеть моего Никко?

Хотя он был на ногах с середины ночи и проделал почти двадцать три километра по гористой местности, Пино решил бегом преодолеть расстояние до «Каса Альпина», словно скорость могла снять напряжение от жестокости, свидетелем которой он был. Но на полпути он вынужден был остановиться. Запах крови на его одежде, яркие воспоминания о хвостовстве Никко, который говорил, что катается на лыжах лучше Пино, огненная вспышка... Пино согнулся пополам, и его вырвало.

Он, рыдая, преодолел оставшийся путь до Мотты, когда на землю опустились сумерки.

3

Когда Пино добрался до «Каса Альпина», его лицо посерело, он был измотан. При виде Пино, вошедшего в столовую, отец Ре был потрясен.

– Я же тебе говорил переночевать... – начал было отец Ре, но потом увидел окровавленную одежду Пино и поднялся на ноги. – Что случилось? С тобой все в порядке?

– Нет, отец, – ответил Пино и, не скрывая слез, рассказал священнику о том, что произошло. – Зачем кому-то понадобилось это делать? Оставлять гранату?

– И представить себе не могу, – мрачно сказал отец Ре, беря свою куртку. – А наши друзья – что с ними?

Воспоминание о Луиджи, Рикардо и Марии, уходящих в лес, казалось, принадлежало уже далекому прошлому.

– Я передал их синьору Бергстрому.

Священник надел куртку, взял посох.

– Слава богу, хоть есть чему порадоваться.

Пино рассказал ему о четверых вооруженных людях, которых видел.

– А они тебя видели?

– Не думаю, – ответил Пино.

Отец Ре положил руку на плечо Пино:

– Ты хорошо поработал. Все сделал правильно.

Священник ушел. Пино сел на скамью за пустой стол, закрыл глаза, склонил голову; перед его мысленным взором появилось изуродованное тело Никко, мальчик с выбитыми глазами, потом мертвая девочка с оторванной рукой в вечер первой бомбардировки. Эти образы преследовали его, он никак не мог прогнать их. Они возникали снова и снова, и он наконец почувствовал, что сейчас сойдет с ума.

– Пино? – услышал он голос Миммо спустя какое-то время. – Ты цел?

Пино открыл глаза, увидел рядом сидящего на корточках брата.

– Я слышал, что умер маленький сын хозяина гостиницы. И может, еще два мальчика.

– Я видел все это, – сказал Пино, снова заплакав. – Я держал его на руках.

При виде слез брата Миммо потерял дар речи, но потом сказал:

– Идем, Пино. Давай помоешься – и спать. Ребята не должны видеть тебя таким. Они равняются на тебя.

Миммо помог ему подняться на ноги, провел по коридору в душевую. Пино разделся, а потом долго сидел под теплой водой, автоматически оттирая кровь Никко с рук и лица. Случившееся казалось невероятным. Но было реальностью.

На следующее утро отец Ре осторожно разбудил его около десяти. Несколько мгновений Пино не мог понять, где он. Потом вспомнил все; эмоции так захлестнули его, что перехватило дыхание.

– Как Конте?

Лицо священника помрачнело.

– Для любого родителя потеря ребенка – страшный удар в любых обстоятельствах. Но чтобы так...

– Он был такой забавный мальчуган, – с горечью в голосе сказал Пино. – Это несправедливо.

– Это трагедия, – сказал отец Ре. – Два других мальчика будут жить, но они уже никогда не будут такими, как прежде.

Они долго молчали.

– Что мы будем делать, отец?

– У нас есть вера, Пино. У нас есть вера, и мы продолжим делать то, что считаем правильным. В Мадезимо мне сказали, что у нас появятся еще два беженца сегодня к обеду. Я хочу, чтобы ты сегодня отдохнул. Мне нужно, чтобы ты ушел с ними утром.

4

В течение следующих недель такой ритм жизни стал привычным. Каждые несколько дней появлялись два, три, а иногда и четыре беженца и звонили в колокольчик «Каса Альпина». Пино уходил с ними задолго до рассвета, они поднимались по склону при свете луны и пользовались карбидной шахтерской лампой, только когда на небе висели тучи или луны не было. Пино, передав беженцев Бергстрому, отправлялся ночевать в пастушью хижину.

Это было довольно грубое сооружение с каменным фундаментом, заглубленным в склон, с крышей из дернины на опорах и дверью на кожаных петлях. В домике были соломенный матрас и печурка с дровами и топориком. Пино страдал от одиночества, проводя ночи в хижине перед печуркой. Он не раз пытался вызвать воспоминания об Анне, чтобы утешиться, но помнил только скрежет трамвая, который скрыл ее от него.

Потом его мысли приобретали абстрактный характер – о девушках, о любви. Он надеялся, что в его жизни будет и то и другое. Он думал о том, какая у него будет девушка, будут ли ей нравиться горы так, как ему, будут ли ей нравиться лыжи, и еще сотня вопросов приходила ему в голову, но ответов на них он не знал, и это сводило его с ума.

В начале ноября Пино вел в Швейцарию пилота Британских королевских ВВС, сбитого во время налета на Геную. Неделю спустя он помог другому пилоту добраться до Бергстрома. И почти каждый день в «Каса Альпина» прибывали евреи.

В темные дни декабря 1943 года беспокойство отца Ре выросло из-за увеличившегося числа немецких патрулей на дороге, ведущей к перевалу Шплюген.

– Они становятся подозрительными, – сказал он Пино. – Немцы нашли не очень много евреев. Нацисты знают, что им помогают бежать.

– Альберто Аскарри говорит о разных зверствах, – сказал Пино. – Нацисты убивают священников, которые помогают евреям. Иногда они стаскивают их прямо с алтаря, на котором те служат мессу.

– Мы знаем об этом, – сказал священник. – Но мы не можем перестать любить наших соотечественников, даже если нам страшно. Если мы утратим любовь, мы утратим все. Нам нужно действовать умнее.

На следующий день отец Ре и священник из Камподольчино разработали оригинальный план. Они решили использовать наблюдателей, чтобы отслеживать нацистские патрули на дороге к перевалу Шплюген, а кроме того, придумали систему оповещения.

В часовне за «Каса Альпина» внутри колокольни имелась лестница. С нее через ставни мальчишки могли видеть верхний этаж дома приходского священника в пятнадцати метрах ниже Камподольчино, а в особенности одно из окон. Если немцы патрулировали Шплюген, занавеси были опущены. Если же они были подняты в течение дня или вечером в окне горела лампа, то беженцев можно было безопасно вывозить на гору Мотта в телегах под кипами сена.

Когда стало ясно, что Пино не в состоянии выводить всех евреев, сбитых летчиков или политических беженцев, которые приходили в «Каса Альпина» в поисках пути к свободе, он начал тренировать других ребят постарше, включая и Миммо.

Сильных снегопадов не было до середины декабря 1943 года. Но потом наступили холода, и начались обильные и частые снегопады. Перистый порошкообразный снег скапливался в желобах и чашах верхней части Гропперы, что угрожало сходом лавин, а потому вскоре предпочтительный северный маршрут в Валь-ди-Леи и на перевал Эмет в Швейцарию стали недоступны.

Поскольку большинство беженцев никогда прежде не сталкивались с холодами и высокими снегами и не имели ни малейшего представления об альпинизме, отцу Ре пришлось идти на риск и отправлять Пино, Миммо и других проводников легким южным маршрутом через Пассо-Анджелого. Они стали брать с собой лыжи с камусами, чтобы облегчить обратный путь и быстрее возвращаться.

Братья уехали из «Каса Альпина» в третью неделю декабря – к родителям в Рапалло, чтобы отпраздновать Рождество и поговорить о том, кончится ли когда-нибудь война. Прежде Лелла рассчитывали, что союзники к этому времени освободят Италию. Но так называемая линия Густава, состоящая из огневых сооружений, танковых эскарпов и других укреплений, сдерживала наступление союзников от Монте-Кассино на западе до Адриатического моря на востоке.

Продвижение союзников застопорилось.

5

Поезд, которым Пино и Миммо возвращались в Альпы, проходил через Милан. Некоторые районы города они почти не могли узнать. Пино всей душой стремился в «Каса Альпина» – хотел провести зиму в Альпах.

Они с Миммо любили кататься на лыжах, а к этому времени стали опытными лыжниками. С помощью камусов они поднимались на склоны над школой и съезжали по свежему глубокому снегу, который выпал за время их короткого отсутствия. Они оба любили скорость и получали удовольствие от скоростного спуска, но для Пино это было не только приключение. Спуск по склону создавал ощущение, полета. На лыжах Пино чувствовал себя птицей. Это грело душу. Дарило ему такое чувство свободы, как не дарило ничто иное.

Пино засыпал усталый, с ноющими мышцами и счастливый, а еще – полный желания повторить все это на следующий день.

Альберто Аскарри и его подружка Титьяна решили встретить Новый год в гостинице Конте в Мадезимо. Во время праздничной недели число беженцев уменьшилось, и отец Ре отпустил Пино на вечеринку.

Довольный Пино смазал горные ботинки, надел лучшую одежду и пошел в Мадезимо под падающим снежком, благодаря которому все казалось волшебным и новым. Аскарри и Титьяна заканчивали украшать зал, когда появился Пино. Некоторое время он провел с Конте, которые все еще оплакивали сына, а потому ухватились за его предложение, дававшее возможность отвлечься от горя.

Ах, что это была за вечеринка! Число девушек в два раза превышало число молодых людей, и все танцы на вечер у Пино были расписаны. Еду предлагали замечательную: ветчину, ньокки¹⁰ и поленту со свежим сыром монтазио, а еще оленину с сушеными томатами и семенами тыквы. Вино и пиво текли рекой.

Позднее тем вечером Пино, танцуя медленный танец с Фредерикой, осознал, что он ни разу не вспомнил об Анне. Он спрашивал себя: закончится ли вечеринка идеальным образом – поцелуем Фредерики, когда открылись двери гостиницы. Вошли четыре человека со старыми ружьями и дробовиками. На них была потрепанная одежда и грязные красные шарфы на шеях. Их запавшие щеки покраснели от мороза, ввалившиеся глаза навели Пино на мысль о диких собаках, которых он видел после начала бомбардировок, собаках, которые набрасывались на любые отбросы.

– Мы партизаны, мы сражаемся, чтобы освободить Италию от немцев, – сообщил один из них и облизнул левый уголок рта. – Чтобы продолжить борьбу, нам необходимы жертвования.

Этот человек был выше других, он стащил с головы вязаную шерстяную шапочку и помахал участникам вечеринки.

Никто не шелохнулся.

– Вы мерзавцы! – взревел синьор Конте. – Вы убили моего сына!

Он бросился на главаря, который ударом приклада своего ружья свалил его на пол.

– Мы ничего такого не делали, – сказал он.

– Твоя вина, Тито, – сказал с пола Конте, у которого шла кровь из раны на голове. – Ты или один из твоих людей оставил гранату. Мой сын подобрал ее, думал, это игрушка. Он умер. Другой мальчик потерял зрение. Еще один – руку.

– Я тебе говорю, – сказал Тито, – мы ничего об этом не знаем. Жертвования, *per favore*¹¹.

Он поднял ружье и пустил пулю в потолок, после чего мужчины начали выворачивать карманы, а девушки открывать сумочки.

Пино вытащил из кармана банкноту в десять лир и протянул ее незванным гостям.

Тито выхватил деньги, потом оглядел Пино с ног до головы.

– Хорошая одежда, – сказал он. – Выворачивай карманы.

Пино не шелохнулся.

Тито сказал:

– Делай, что тебе говорят, или мы разденем тебя догола.

Пино хотелось ударить его, но он покорился – вынул из кармана кожаный, с магнитом, зажим для денег, изготовленный в мастерской его дяди, вытащил оттуда пачку лир и протянул Тито.

Тито присвистнул и выхватил деньги. Потом подошел поближе и вперился в Пино взглядом, излучая угрозу не менее сильную, чем дурной запах, исходящий от его тела и дыхания.

– Я тебя знаю, – сказал он.

– Нет, не знаешь.

– Знаю, – повторил Тито, подходя вплотную к Пино. – Я видел тебя в бинокль. Ты перебирался через Пассо-Анджелого и Эмет, и с тобой были какие-то неизвестные.

Пино ничего не сказал.

Тито улыбнулся, облизнул уголок рта:

– Немцы много дадут, чтобы познакомиться с тобой.

---

¹⁰ Ньокки – итальянские клецки.

¹¹ Будьте добры (*ит.*).

– Я думал, вы сражаетесь с немцами, – сказал Пино. – Или это только предлог, чтобы грабить людей?

Тито ударил Пино прикладом в живот, сбил его с ног.

– Не суйся на те перевалы, парень, – сказал он. – И то же передай священнику. Пассо-Анджелого? Эмет? Они принадлежат нам. Ты понял?

Пино лежал на полу, хватая ртом воздух, и ничего не отвечал.

Тито ударил его ногой:

– Понял?

Пино кивнул. Тито с довольным видом принялся снова разглядывать его с ног до головы.

– Хорошие ботинки, – сказал он наконец. – Какой размер?

Пино что-то пробормотал в ответ.

– И пара теплых носков – сгодится. Снимай.

– У меня нет других.

– Ты можешь снять их, пока живой. Или я могу снять их с твоего трупа. Выбирай.

Пино кипел от ненависти, но умирать ему не хотелось. Он расшнуровал ботинки, снял их. Посмотрел на Фредерику, она покраснела и отвернулась, отчего Пино почувствовал себя последним трусом, передавая Тито ботинки.

– И зажим для денег тоже, – сказал Тито, дважды щелкая пальцами.

– Это подарок моего дяди, – возразил Пино.

– Пусть сделает тебе еще один. Скажи ему, это на хорошее дело.

Пино, нахмурившись, вытащил из кармана зажим и бросил его Тито.

Тот поймал его в воздухе:

– Вот и молодец.

Он кивнул своим людям, они, прежде чем уйти, принялись рассовывать по карманам и пакетам еду.

– Не суйся на Эмет, – повторил Тито, после чего они ушли.

6

Когда дверь за ними закрылась, Пино от ярости хотелось пробить кулаком стену. Синьора Конте бросилась к мужу, прижала кусок ткани к его ране.

– Как вы? – спросил Пино.

– Не смертельно, – сказал хозяин гостиницы. – Эх, не смог я достать свое ружье. Перестрелял бы их всех.

– А кто он такой – этот партизан? Вы сказали – Тито?

– Да, Тито. Он из Состе. Но он никакой не партизан. Мошенник и контрабандист – их теперь много развелось. А теперь еще и убийца.

– Я верну мои ботинки и зажим.

Синьор Конте отрицательно покачал головой:

– Тито хитер и опасен. Если печешься о своей жизни, держись от него подальше, Пино.

Пино чувствовал отвращение к себе, он сожалел, что не дал отпор Тито. Он больше не мог оставаться на вечеринке. Для него праздник кончился. Он попытался взять у кого-нибудь на время ботинки или туфли, но ни у кого не нашлось обуви такого размера. В конечном счете он взял шерстяные носки и невысокие резиновые сапоги у хозяина гостиницы и пошел сквозь снежную бурю в «Каса Альпина».

Когда он закончил рассказывать отцу Ре о том, что сделал Тито, и о том, что он или один из его людей убили Никко и искалечили других ребят, священник сказал:

– Ты поступил правильно, Пино.

– Почему же я этого не чувствую? – возразил Пино, все еще недовольный собой. – И он просил передать вам держаться подальше от Пассо-Анджелого и Эмета.

– Неужели? – спросил отец Ре, и лицо его окаменело. – К сожалению, мы не можем на это пойти.

Глава десятая

1

В первый день нового года метровое снежное одеяло покрыло горы над «Каса Альпина». На следующий день снег прекратился, а потом напало еще на метр. Снега навалило столько, что в горы они смогли выйти только во вторую неделю января.

Пино нашел ботинки на замену прежним, и они с братом снова начали выводить беженцев – евреев, сбитых летчиков и других. Выводили группами, нередко по восемь человек. Несмотря на предостережение Тито относительно Пассо-Анджелого, они держались этого менее крутого южного маршрута на Валь-ди-Леи, постоянно меняя дни и время выхода, а потом возвращались в Мадезимо на лыжах северным маршрутом.

Эта система хорошо работала до начала февраля 1944 года. Когда в верхнем окне дома священника в Камподольчино горела лампа, беженцы шли сплошным потоком – их привозили на телегах под кипами сена через Мадезимо в «Каса Альпина», а потом, с Пино или другими проводниками, они шли через Гропперу в Швейцарию.

Добравшись до хижины пастуха как-то в начале месяца, Пино с удивлением обнаружил записку, прибитую гвоздем к стене, и прочел: «Последнее предупреждение».

Пино бросил эту бумажку в печку для растопки сложенных в ней дров. Повернул выюшку и вышел наружу наколоть еще дров. Он надеялся, что Тито прячется где-то здесь, смотрит на него в бинокль и видит, что он плюет на угрозы...

Мощным взрывом выбило дверь хижины. Пино нырнул в снег. Он лежал, дрожа от страха, несколько минут, наконец набрался мужества и заглянул внутрь. Печку было не узнать. Силой взрыва (мины, гранаты или что уж они подложили внутрь) разорвало топку, осколки горячего металла оставили щербинки в каменном фундаменте, торчали, словно ножи, из балок и деревянных конструкций. Сверкающие угли прожгли дыры в его рюкзаке и подожгли соломенный матрас. Он вытащил то и другое и загасил в снегу, чувствуя себя совершенно незащищенным. Если Тито подложил мину в печку, то он вполне может и просто застрелить его.

Пино подавил ощущение, будто кто-то целится в него, надел лыжи, забросил рюкзак на плечи, взял лыжные палки. Хижина перестала быть убежищем, а южный маршрут стал слишком опасным.

– Остался только один путь, – сказал Пино отцу Ре тем вечером у огня, пока ребята и несколько новых гостей поедали очередной кулинарный шедевр брата Бормио.

– Снежные наносы все увеличиваются, так что такое решение все равно было неизбежным, – сказал священник. – Ветры сдувают снег с гребня хребта, путь по горе будет наиболее надежным. Ты пойдешь снова с Миммо послезавтра, покажешь ему дорогу.

Пино вспомнил расщелину, узенький козырек, веревку, натянутую под зубцом Гропперы, и тут же сомнения обуяли его. Один неосторожный шаг в таких условиях означал верную смерть.

Отец Ре показал на гостей:

– Ты поведешь эту молодую семью и женщину со скрипкой. Она играла в Ла Скала.

2

Пино повернул голову, несколько секунд смотрел в недоумении, но потом узнал скрипачку, которая была в их доме в день первой бомбардировки. Он знал, что ей около сорока лет, но выглядела она состарившейся и больной. Как ее звали?

Он прогнал из головы мысли о Гроппере, позвал Миммо, и они подошли к женщине.

– Вы нас помните? – спросил Пино.

Скрипачка, казалось, не узнала их.

– Наши родители – Порция и Микеле Лелла, – сказал Пино. – Вы были на вечеринке в нашем доме на Виа Монтенаполеоне.

– И вы обругали меня у театра Ла Скала за то, что я вел себя, как мальчишка, который не понимает, что происходит вокруг. Вы были правы, – сказал Миммо.

Ее лицо осветилось слабой улыбкой.

– Кажется, это было так давно.

– Вы здоровы? – спросил Пино.

– Немного подташнивает, – сказала она. – Из-за воздуха. Я никогда не поднималась так высоко. Отец Ре говорит, я привыкну через день-другой.

– Как вас называть? – спросил Миммо. – Что написано в ваших бумагах?

– Елена... Елена Наполитано.

Пино обратил внимание на ее обручальное кольцо.

– А ваш муж здесь, синьора Наполитано?

У нее навернулись слезы на глаза, она обхватила себя руками за живот, закашлялась.

– Он увел за собой немцев, когда мы бежали из нашей квартиры. Они увезли его на платформу двадцать один.

– А что это? – спросил Миммо.

– Туда увозят всех евреев, которых они отлавливают в Милане. Платформа двадцать один на Центральном вокзале. Их сажают в маленькие вагоны, и они исчезают, их увозят... никто не знает куда. Они не возвращаются.

Слезы покатались по ее щекам, губы задрожали.

Пино вспомнил о побоище в Мейне, где нацисты расстреляли евреев в озере. Он почувствовал себя больным и беспомощным.

– Ваш муж. Он, наверно, очень смелый человек.

Синьора Наполитано всплакнула, кивая:

– Очень.

Наконец она взяла себя в руки, отерла платком слезы и сказала хрипловатым голосом:

– Отец Ре говорит, что вы двое проводите меня в Швейцарию.

– Да. Правда, это будет нелегко по такому снегу.

– В жизни имеет смысл только то, что дается нелегко, – сказала скрипачка.

Пино посмотрел на ее туфли – низкие черные лодочки.

– Вы поднялись сюда в этих туфлях?

– Я обмотала их кусками детского одеяла. Они и сейчас у меня.

– Это не годится, – сказал Пино. – Там, куда мы пойдём, нужна другая обувь.

– Ничего другого у меня нет.

– Мы поищем что-нибудь у мальчиков. Какой у вас размер?

Синьора Наполитано сказала ему. К вечеру Миммо нашел пару ботинок, натер подошву смесью сосновой смолы и масла, чтобы они стали водонепроницаемыми. Еще он нашел для нее шерстяные штаны, чтобы надеть под платье, пальто, шерстяную шапочку и варежки.

– Возьмите, – сказал отец Ре, протягивая им балахоны из белых наволочек с дырками для головы и рук. – Наденьте.

– Зачем? – спросила синьора Наполитано.

– Наш маршрут кое-где проходит по открытым местам. В темных одеждах вас скорее заметят. А так вы будете почти не видны на снегу.

Вместе с синьорой Наполитано пришла семья Д'Анджело – родители, Питер и Лиза, и дети, семилетний Антони и его девятилетняя сестра Юдифь. Родом они были из Абрुцци и пребывали в прекрасной физической форме, потому что фермерствовали и ходили в горы к югу от Рима.

А синьора Наполитано, напротив, большую часть жизни проводила под крышей, играла на скрипке. Она сказала, что по Милану ходила пешком, трамваем пользовалась редко, но по тому, как она дышала в «Каса Альпина», Пино понял: восхождение будет серьезным испытанием для нее и для него.

3

Пино решил не задерживаться мыслями на плохих вариантах, а подумать о том, что может им понадобиться. Он взял у брата Бормио еще девять метров веревки, и Миммо обвязался ею, как патронташем, кроме того, он нес рюкзак, ледоруб, палки и лыжи. Пино добавил несколько карабинов к своему и без того тяжелому рюкзаку, еще один ледоруб, кошки, камусы и горсть штычков.

Они вышли из дома в два часа ночи. На небе висел полумесяц, дававший столько отраженного света на белом снегу, что они могли не пользоваться фонарями. Ранний выход был бы мукой смертной, им бы всем пришлось пробиваться на гребень по снежной целине, но днем ранее отец Ре отправил всех мальчиков из «Каса Альпина» на двадцатидвухметровое восхождение, и они таким образом утоптали склон. Несмотря на хроническую боль в бедре, священник по большей части шел первым.

В результате они имели нахоженную тропу по западному склону Гропперы. Возможно, это и спасло жизнь синьоры Наполитано. Хотя при ней и была только ее любимая скрипка в футляре, она долго и с трудом преодолевала первый склон, часто останавливалась, тяжело дышала, покачивала головой, потом обеими руками прижимала к себе скрипку и шла дальше.

Во время восхождения, на которое у нее ушел почти час, Пино в основном подбадривал ее словами вроде: «Молодцом. У вас все прекрасно получается. Еще немного поднимемся – и отдохнем».

Он чувствовал, что, если переборщит, это не принесет никакой пользы. Этот случай не был похож на психологические барьеры, которые ему удавалось пробивать, когда он, ведя торговца сигарами, отвлекал его внимание. Синьора Наполитано просто была в плохой физической форме для такого восхождения. Он шел следом за ней по склону и молился о том, чтобы ей хватило духа и силы воли, которые нередко компенсируют недостаток физических сил.

Глубокий снег и ледниковые трещины делали валунную чашу еще более опасной, но с помощью Пино скрипачка пересекла ее без происшествий. А когда они добрались до начала гребня, синьору Наполитано начало трясти.

– Не знаю, смогу ли я, – сказала она. – Мне лучше вернуться с вашим братом. Я только задерживаю других.

– Вы не можете остаться в «Каса Альпина», – сказал Пино. – Остаться там надолго – опасно.

Скрипачка ничего не сказала, но потом повернулась, схватилась руками за живот, и ее вырвало.

– Синьора Наполитано? – сказал Пино.

– Все в порядке, – ответила она. – Уже проходит.

– Вы ждете ребенка? – спросила в темноте синьора Д'Анджело.

– Женщина всегда понимает женщину, – выдохнула синьора Наполитано.

Она беременна? Пино почувствовал, как огромная тяжесть легла на его плечи. Боже мой! Ребенок? Что, если?..

– Вы должны заставить себя ради вашего ребенка, – сказала синьора Д'Анджело синьоре Наполитано. – Вам нельзя возвращаться. Вы знаете, к чему это может привести.

– Пино, – прошептал его брат после долгой паузы, – я могу отвести ее назад, пусть она попривыкнет к высоте.

Пино хотел было уже согласиться, но тут синьора Наполитано сказала:

– Я пойду дальше.

Но что случится, если высота добьет ее и ребенка?..

Пино заставил себя прогнать эти мысли. Он не мог позволить страху управлять им. Он должен думать. И думать ясно.

Повторяя это себе, Пино взял вторую веревку у Миммо и, обвязав синьору Наполитано под мышками, забрался на гребень. Миммо страховал ее сзади, а Пино тащил, подтягивал скрипачку на гребень. Задача была нелегкой, но еще усложнялась тем, что она держала в руках скрипку и не соглашалась отдать ее Миммо.

– Вам придется оставить скрипку, – сказал Пино, опустив синьору Наполитано обратно.

– Ни за что, – сказала она. – Моя скрипка всегда остается со мной.

– Тогда давайте я понесу ее. Освобожу место у себя в рюкзаке и верну вам ее, когда мы доберемся до границы.

В лунном свете он видел, как синьора Наполитано мучительно обдумывает его предложение.

– Вам при восхождении нужны свободные руки, – сказал он. – Если вы держите в руках скрипку, то ставите под угрозу жизнь вашего ребенка.

Она подумала еще немного, протянула ему скрипку и сказала:

– Это Страдивари. Все, что у меня осталось.

– Я буду беречь ее, как это сделал бы мой отец, – сказал Пино, пристегивая футляр скрипки клапаном рюкзака.

4

Пино быстро поднял вверх детей Д'Анджело – они воспринимали происходящее как необыкновенное приключение, – потом их родителей, которые поддерживали у детей это заблуждение. Как и почти со всеми беженцами, Пино повел всех в связке: следом за ним синьора Наполитано, затем синьора Д'Анджело, дети, синьор Д'Анджело, замыкал связку Миммо.

Они уже собирались начать двигаться, когда мальчик затеял перебранку со своей сестренкой.

– Прекратите! – резко прошептал Пино.

– Нас здесь никто не услышит, – сказал Антони.

– Нас услышит гора, – твердо сказал Пино, – и если будете кричать слишком громко, она проснется и начнет ворочаться под своими одеялами, обрушит лавины снега, которые накроют всех нас.

– А гора – монстр? – спросил Антони.

– Вроде дракона, – ответил Пино. – Поэтому мы не должны шуметь – мы ведь поднимаемся по его чешуйчатому хребту.

– А где его голова? – спросила Юдифь.

– Над нами, – ответил Миммо. – В тучах.

Этим дети, казалось, удовлетвоались, и все двинулись дальше. Если в прошлый раз на этот трудный маршрут у Пино ушел час, то теперь они затратили почти два. До расщелины добрались в четыре тридцать. Пино видел почти вертикальную стену, уходящую вниз, но для восхождения ему требовалось больше света.

Он налил воду в карбидную лампу и плотно завинтил крышку, чтобы не выпускать пары, быстро заполнявшие емкость. Выждав минуту, он приоткрыл газовый клапан и стукнул по ударнику. Со второй попытки в рефлекторе загорелось тонкое голубое пламя, проливающее достаточно света на расщелину, и теперь все увидели, что им предстоит.

– Боже мой, – застонала синьора Наполитано. – Боже мой.

Он положил руку ей на плечо:

– Все не так плохо, как кажется.

– Все гораздо хуже, чем кажется.

– Нет. В сентябре, когда скала была голая, приходилось хуже, а теперь вы видите лед по обеим сторонам. Лед сузил расщелину, она стала более проходимой.

Пино посмотрел на брата.

– На это уйдет некоторое время, но я прорублю ступени. Заставляй их здесь двигаться, чтобы не замерзли, пока не услышишь моего свистка – это будет означать, что я спускаю ледорубы. Тогда обяжешь синьора Д'Анджело и отправишь ко мне. Мне здесь понадобится его сила. Ты поднимешься последним.

На сей раз Миммо не стал возражать против того, что он последний. Пино высвободился из связки, сбросил рюкзак и нацепил кошки. Надев на себя веревочную бухту Миммо, как патронташ, он взял свой ледоруб и ледоруб Миммо и помолился, прежде чем начать восхождение. Пино прижался спиной к горе, напоминая себе, что нельзя смотреть вниз; он всаdil шипы кошек в лед, подтянулся наверх и принялся вонзять острие ледоруба в лед.

Отвоевывая каждые полметра, Пино останавливался и аккуратно вырубал плоские ступеньки для других. Работа шла безумно медленно, и чем выше он поднимался, тем яснее видел зажигающиеся один за другим огни в Камподольчино. Он знал, что с биноклем вполне можно засечь карбидную лампу в этой ледяной расщелине, но понимал, что выбора у него нет.

Сорок минут спустя Пино, мокрый от пота, добрался до площадки в виде балкона. Он держал лампу включенной достаточно долго, чтобы закрепить карабин на крюке, который вбил в скалу, когда приходил сюда в прошлый раз, и просунуть в него конец веревки, а потом испытать его на прочность своим весом. Крюк надежно держал его.

Пино привязал ледорубы и свои кошки к веревке, свистнул и спустил их по расщелине. Несколько минут спустя он услышал свист брата и принялся выбирать слабинку веревки. Через пятнадцать минут на балконе появился синьор Д'Анджело. Вместе они быстро подняли его сына, дочь и жену.

5

Пино услышал испуганные стоны синьоры Наполитано еще до того, как она вошла в ледяную щель. Он опустил ей шахтерскую лампу. Дополнительный свет, казалось, только усилил ужас беременной женщины. Ее всю трясло. Она взяла ледорубы, надела кошки и вошла в расщелину.

– Сначала правую руку, – сказал Миммо. – Хорошенько вонзайте ледоруб там, где Пино выровнял стенки.

Синьора Наполитано последовала его совету, но вполсилы, и ледоруб выскользнул из льда, прежде чем она успела перенести на него свой вес.

– Не могу, – сказала она. – Я не могу.

– Просто поднимайтесь по ступенькам, которые вырубил Пино, страхуйтесь ледорубами, прочно ставьте кошки на всем подъеме.

– Но я могу соскользнуть вниз.

Сверху раздался голос Пино:

– Мы держим вас на веревке. И уж конечно, ничего не случится, если вы будете ставить кошки и ледорубы, как вам сказано... как смычок скрипки, когда вы играете *con smania*.

Последние слова, призывавшие ее играть со страстью, казалось, дошли до ее сердца, потому что синьора Наполитано сильно размахнулась правой рукой с ледорубом. Пино услышал сверху, как ледоруб глубоко врезался в лед. Он присоединился к синьору Д'Анджело, державшему веревку, его жена лежала на животе у края и смотрела вниз, сообщая им каждый раз, когда синьора Наполитано собиралась сделать шаг наверх. Если другие делали шаги по полметра, то она – по сантиметрам.

Поднявшись почти на четыре метра, синьора Наполитано потеряла опору, вскрикнула и упала. Они натянули веревку, и она, стена и плача, повисла в расщелине. Наконец они убедили ее попробовать еще раз. Тридцать пять мучительных минут спустя они подняли ее и затащили на балкон. Увидели в слабом свете шахтерской лампы иней на ее одежде и ледяную корку на лице – она словно побывала в ледяном аду.

– Это был ужас, – сказала она, опускаясь на снег. – Каждая секунда.

– Но вы здесь, – сказал, улыбаясь, Пино. – Не многим это было бы по силам. Но вы сумели. Ради вашего ребенка.

Скрипачка сложила руки на животе и закрыла глаза. Еще двадцать минут ушло на то, чтобы поднять все рюкзаки, задачу усложняли лыжные палки и лыжи, пристегнутые к рюкзакам. Еще пятнадцать минут потребовалось Миммо, чтобы подняться.

– Все прошло нормально, – сказал Миммо.

– Наверное, вас в детстве пытали, – сказала синьора Наполитано.

Часы Пино показывали почти шесть. Скоро наступит рассвет. Он планировал спуститься с Гропперы раньше. Он снова сделал связку, и они продолжили подъем.

В половине седьмого, когда они должны были уже увидеть первые лучи солнца, неожиданно стало темнее, чем на предыдущем этапе их испытаний. Луна исчезла. Пино почувствовал, что изменились и направление ветра (теперь он дул с севера), и сила.

– Нам нужно поспешить, – сказал он. – Скоро начнется буря.

– Что? – воскликнула синьора Наполитано. – Здесь?

– Тут-то и случаются бури, – сказал Миммо. – Но не беспокойтесь. Мой брат знает, что делать.

Да, Пино знал, что нужно делать, и в течение следующего часа, по мере того как рассвет пробивался сквозь густой падающий снег, они медленно шли вперед. Снегопад идет им на пользу, решил Пино. Он скроет их от любопытных глаз.

Около половины восьмого метель усилилась, и Пино вытащил очки, подаренные ему отцом на Рождество, специальные очки, оснащенные кожаными боковинами, чтобы снег не попадал в глаза. Темные тучи окутали Гропперу. Переохлажденные обледеневшим пиком над ними, тучи просыпались снегом. Пино старался подавить нарастающую панику, прощупывая дорогу впереди лыжными палками и остро чувствуя: чем выше они поднимаются, тем больше опасность оступиться. Ветер кружил снежинки, и все заволочло белой мглой. Видимость была такой низкой, что он поднимался чуть ли не вслепую, и это его пугало.

Пино пытался не терять веру, но сомнения одолевали его, в голову закрадывались все более тревожные мысли. Что, если он собьется с маршрута? Или оступится в критический момент и упадет? При его весе он всех потащит за собой, и они полетят вниз, ломая себе шеи. Он почувствовал, как натянулась веревка.

– Я ничего не вижу! – воскликнула Юдифь.

– И я тоже, – сказала ее мать.

– Тогда мы переждем, – сказал Пино, стараясь говорить спокойным голосом. – Повернитесь спиной к ветру.

Снег продолжал падать. Если бы ветер дул не порывами, а с постоянной сумасшедшей скоростью, они бы не смогли пройти по гребню. Но он налетал, а потом стихал почти до безветрия каждые несколько минут. Во время этих минут затишья Пино и мог продвигаться вперед, пока не почувствовал, что хребет выровнялся и сузился. Впереди лежали трудные пятнадцать метров заснеженного узкого гребня с впадинами и лавинными желобами по обе стороны.

6

– Здесь мы пойдем по одному, – сказал он. – Видите белые снежные чаши по обе стороны хребта? Не ступайте на них. Идите точно по моим следам, и все будет в порядке.

– А что там под снегом? – спросила синьора Наполитано.

Пино не хотел ей говорить. А Миммо сказал:

– Воздух. Много воздуха.

– О, – сказала она. – О-о-о...

Пино хотелось ударить брата.

– Оставьте, синьора Наполитано, – сказал Пино, стараясь говорить беззаботным тоном. – Вы проделали немалый путь. Худшее уже позади. И потом, я буду на другом конце веревки.

Скрипачка тяжело вздохнула, задумалась, едва заметно кивнула. Пино распустил связку, привязал веревку к Миммо, чтобы создать один длинный отрезок. Обвязывая брата, он шепнул ему:

– Постарайся дальше держать рот на замке.

– А что? – спросил Миммо. – Почему?

– Иногда чем меньше ты знаешь, тем лучше.

– Там, откуда я родом, считается, что чем больше ты знаешь, тем лучше.

Видя бесплодность дальнейшего спора, Пино завязал веревку у него на поясе. Он представил себя канатоходцем и взял в руки палки горизонтально, чтобы лучше сохранять равновесие.

Каждый шаг давался ему с трудом. Начиная он, упираясь носком с кошкой в снег, пока не нащупывал лед или скальную породу, потом вдавливал каблук. Два раза он чуть не терял равновесие, но в обоих случаях ему удавалось выровняться, прежде чем он добрался до узкого карниза по другую сторону гребня. Он постоял, прижавшись лбом к скале, наконец собрался с силами и принялся забивать крюк в скалу.

Потом он закрепил на крюке веревку, Миммо потянул за нее, почувствовал, как она натянулась, словно перила. Снова порыв ветра, и снова белая мгла. Они потеряли друг друга из виду более чем на минуту. Когда ветер стих и Пино разглядел остальных по другую сторону узкого гребня, они напоминали призраков.

Пино с трудом проглотил комок в горле.

– Первым Антони.

Антони держался за натянутую веревку и ставил ноги в следы Пино. Ему потребовалась минута, чтобы перебраться на другую сторону. За братом последовала Юдифь, она держалась за веревку и шла по следам Пино. Они оба перебрались на другую сторону относительно легко.

Следующей пошла синьора Д'Анджело. Она замерла между лавинными желобами, словно загипнотизированная.

И тогда раздался голос ее сына:

– Давай, мама, ты сможешь.

Она преодолела весь путь, обняла детей и заплакала. Следующим пошел синьор Д'Анджело – ему потребовались считанные секунды. Он сказал, что в детстве занимался гимнастикой.

Синьора Наполитано не успела начать переход, как налетел порыв ветра. Пино молча выругался. Он знал, что при совершении таких опасных восхождений нельзя думать о предстоящем, пока ты не начал движение. Но теперь она не могла не думать о том, что ее ждет.

Но подъем по расщелине, казалось, придал ей уверенности, потому что, когда ветер стих и видимость улучшилась, она двинулась вперед еще до того, как Пино позвал ее. Когда она преодолела три четверти пути, ветер налетел снова, и она исчезла в белой мгле.

– Стойте, не шевелитесь! – прокричал Пино. – Ждите!

Синьора Наполитано не ответила. Он все время чуть натягивал веревку и чувствовал, что скрипачка опирается на нее. Наконец ветер стих – и он увидел ее, покрытую снегом и неподвижную, как статуя.

Добравшись до карниза, она крепко ухватилась за Пино, постояла несколько секунд, потом сказала:

– В жизни мне не было так страшно. Я знаю, что никогда еще так истово не молилась.

– Ваша молитва была услышана, – сказал он, похлопав ее по спине; потом свистнул брату.

Когда его брат надежно обвязался веревкой, Пино сказал:

– Готов?

– Я родился готовым, – ответил Миммо и быстрым, уверенным шагом пошел по гребню.

– Не спеши, – сказал Пино, быстро выбирая слабинку веревку через карабин.

Миммо уже почти добрался до места между двух лавинных желобов.

– А что? – сказал он. – Отец Ре говорит, что я отчасти горный козел.

Не успел Миммо произнести эти слова, как тут же оступился. Его правая нога ушла чуть вбок и провалилась. Раздался звук, будто кто-то взбивал подушку. Потом снег в желобе пришел в движение и потек, словно вода по трубе, и, к ужасу Пино, вместе со снегом вниз устремился и его младший брат, исчезая в снежной круговерти.

Глава одиннадцатая

1

– Миммо! – вскрикнул Пино, натягивая веревку.

Рывок чуть не скинул его с козырька.

– Помогите! – крикнул Пино синьору Д'Анджело.

Первой успела к нему синьора Наполитано. Руками в варежках она ухватила веревку и всем телом откинулась назад. Веревка выдержала. Груз остался на ней.

– Миммо! – крикнул Пино. – Миммо!

Ответа не последовало. Снова налетел порыв ветра, а с ним мир над лавинным желобом словно поглотила белая тьма.

– Миммо! – закричал он снова.

После нескольких секунд молчания ему ответил слабый потрясенный голос:

– Я здесь. Поднимай меня. Подо мной тут ничего, кроме воздуха. Много воздуха. Кажется, меня сейчас вырвет.

Пино потянул веревку, но она не поддавалась.

– Мой рюкзак зацепился за что-то, – сказал Миммо. – Приспусти меня немного.

Синьор Д'Анджело уже занял место синьоры Наполитано, а Пино, хотя ему и было не по себе при мысли о том, чтобы приспустить веревку, неохотно пошел на это, пропуская веревку через кожаную перчатку.

– Порядок, – сказал Миммо.

Они принялись тянуть веревку, и вскоре над гребнем показалась голова Миммо. Пино отстегнул веревку и попросил синьора Д'Анджело крепко держать его за ноги, так он сумел дотянуться до рюкзака на спине брата. Увидев, что шапочка Миммо исчезла, на голове кровоточит рана, а снег с желоба сошел, Пино, в крови которого бушевал адреналин, вытащил брата на карниз.

Они сели, тяжело дыша.

– Не смей больше так делать, – сказал наконец Пино. – Мама и папа мне никогда не простят. Я сам себе никогда не прощу.

Миммо вздохнул:

– Я думаю, что ничего лучше ты мне в жизни не говорил.

Пино обнял брата за шею и с силой прижал к себе.

– Ладно-ладно, – принялся протестовать Миммо. – Спасибо, что спас мне жизнь.

– Ты бы сделал то же самое.

– Конечно, Пино. Мы же братья. Навсегда.

Пино кивнул, чувствуя, что никогда еще не любил брата так сильно, как в этот момент.

Синьора Д'Анджело умела оказывать первую помощь. Снегом она прочистила рану, приостановила кровотечение. Они разорвали часть шарфа на бинты, а то, что от него осталось, накрутили на голову Миммо взамен шапочки – дети сказали, что так он стал похож на гадалку. Порывы ветра прекратились, но, когда Пино повел всех к козырьку вдоль нижней части пика, снегопад усилился.

– Нам туда не подняться, – сказал синьор Д'Анджело, запрокидывая голову и оглядывая вершину, которая напоминала ледяной оголовник пики.

– Мы обойдем его снизу, – сказал Пино.

Он прижался грудью к стене и двинулся боком.

Перед тем как завернуть за угол, в том месте, где ширина козырька уменьшалась до двадцати сантиметров, он посмотрел на синьору Наполитано и других:

– Тут есть трос. На нем образовался лед, но вы сможете за него держаться. Держитесь правой рукой костяшками пальцев вверх, а левой – костяшками вниз, снизу и сверху, ясно? Ни при каких обстоятельствах не отпускайте трос, пока не дойдете до другой стороны.

– Другой стороны чего? – спросила синьора Наполитано.

Пино посмотрел на стену и вниз; снег не давал увидеть, где завершится падение, очень, очень долгое падение – падение, которое наверняка закончится смертью.

– Скала будет перед вашим носом, – сказал Пино. – Смотрите перед собой и в стороны, но не за спину и не вниз.

– То, что я увижу, мне не понравится? – спросила скрипачка.

– Я уверен, у вас поджилки тряслись перед первым выступлением в Ла Скала, но вы сделали это. Сделаете и теперь.

Хотя лицо ее горело от мороза, она облизнула губы, ее пробрала дрожь. Но она кивнула.

2

После всего, что они перенесли, пройти вдоль стены по карнизу оказалось проще, чем предполагал Пино. Но это была юго-восточная сторона пика, подветренная в условиях нынешней бури. Все пять беженцев и Миммо прошли козырек без происшествий.

Пино рухнул в снег, благодаря Бога, который сохранил их, и молясь о том, чтобы на этом их испытания закончились. Но тут снова задул ветер, теперь не порывами, а устойчивым напором, снежинки впивались им в лицо, как ледяные иголки. Чем дальше на северо-восток они продвигались, тем сильнее становилась буря, и наконец Пино потерял ориентацию. Из всех трудностей, с которыми они столкнулись, покинув «Каса Альпина» утром, передвижение по открытому гребню было самым опасным, по крайней мере, так считал Пино. Пиццо-Гроппера в это время года была испещрена трещинами. Они могли свалиться на глубину шесть метров в одну из них, где их нашли бы только весной. Даже если он сможет избежать физических опасностей, которыми грозила гора, – холод и сырость были чреватые переохлаждением и смертью.

– Я ничего не вижу! – сказала синьора Наполитано.

Дети Д'Анджело начали плакать. Юдифь не чувствовала ни рук, ни ног. Пино был на грани паники, когда впереди сквозь падающий снег увидел пирамиду из камней. Это позволило ему сразу же сориентироваться. Перед ними находилась Валь-ди-Леи, но до леса оставалось пройти еще добрых четыре, а то и пять километров. Потом он вспомнил, что, когда поднимался на север от пирамиды, видел там, у тропы, еще одну пастушью хижину с печуркой.

– Мы не можем идти дальше, пока не кончится буря! – прокричал им Пино. – Но я знаю место, где мы сможем укрыться, согреться, переждать!

Беженцы с облегчением закивали. Тридцать минут спустя Пино и Миммо стояли на коленях и разгребали снег, чтобы добраться до двери хижины. Пино пролез первым, включил шахтерскую лампу. Проверил, нет ли в печке мины или гранаты, и разложил дрова. Прежде чем поджечь их, Пино вышел на снег и пригласил всех внутрь, потом забрался на крышу – убедиться, что дымоход не завален.

Он закрыл дверь и сказал брату, чтобы тот разжег огонь. Сухие веточки подхватили пламя, и вскоре дрова занялись. Огонь высветил их изможденные лица.

Пино знал: он принял правильное решение, приведя людей сюда, чтобы переждать бурю, прежде чем идти дальше. Вот только будет ли синьор Бергстром ждать их в лесу за

Валь-ди-Леи? Швейцарец должен понять, что буря их остановила. И когда она кончится, он вернется?

Через несколько минут он прогнал эти мысли. Печурка раскалилась почти докрасна, наполняя эту хижину с земляным полом и низкой крышей теплом. Синьора Д'Анджело стащила с Юдифи ботинки и принялась растирать дочке ноги.

– Щиплет, – сказала Юдифь.

– Кровь возвращается, – сказал Пино. – Сядьте поближе к огню и снимите с нее носки.

Вскоре все начали снимать обувь. Пино проверил рану на голове Миммо – кровотечение прекратилось. Потом он достал еду и питье, разогрел чай на печке; они поели сыра, хлеба, салами. Синьора Наполитано сказала, что вкуснее ничего в жизни не ела.

Антони уснул на коленях у отца. Пино выключил шахтерскую лампу и уснул глубоким сном без сновидений. Он проснулся, увидел, что все вокруг дремлют, проверил печку – там оставались одни угли.

Потом он снова уснул. Несколько часов спустя Пино разбудил звук, похожий на грохот несущегося локомотива. Поезд как будто врезался прямо в них, земля сотряслась, потом поезд пронесся мимо, и на несколько долгих секунд не осталось ничего, кроме мертвой тишины, нарушаемой лишь постаныванием бревен, подпирающих крышу. Пино всем своим существом почувствовал, что они снова попали в беду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.